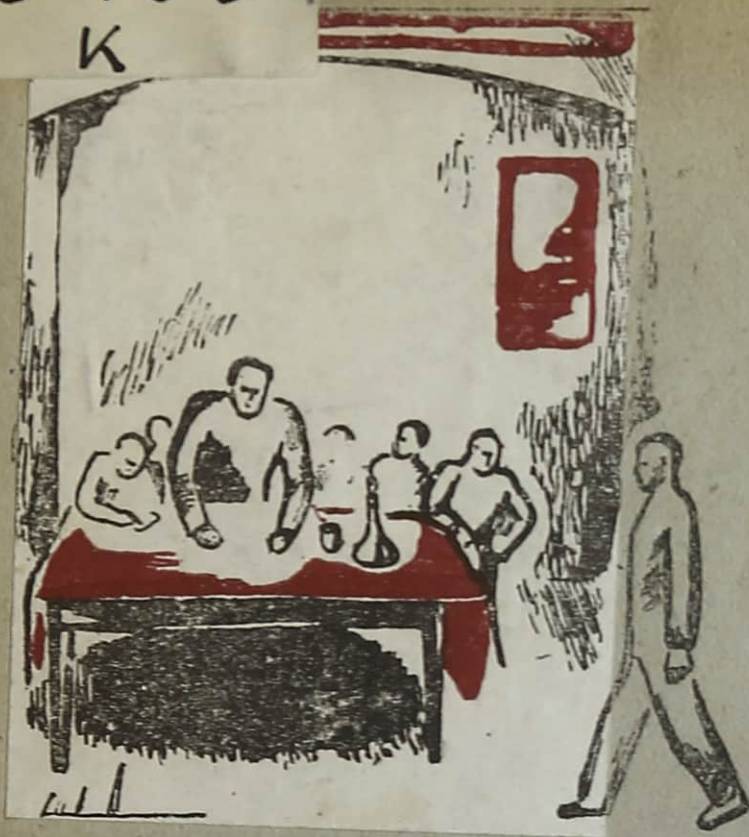

3-139К-955Б
К

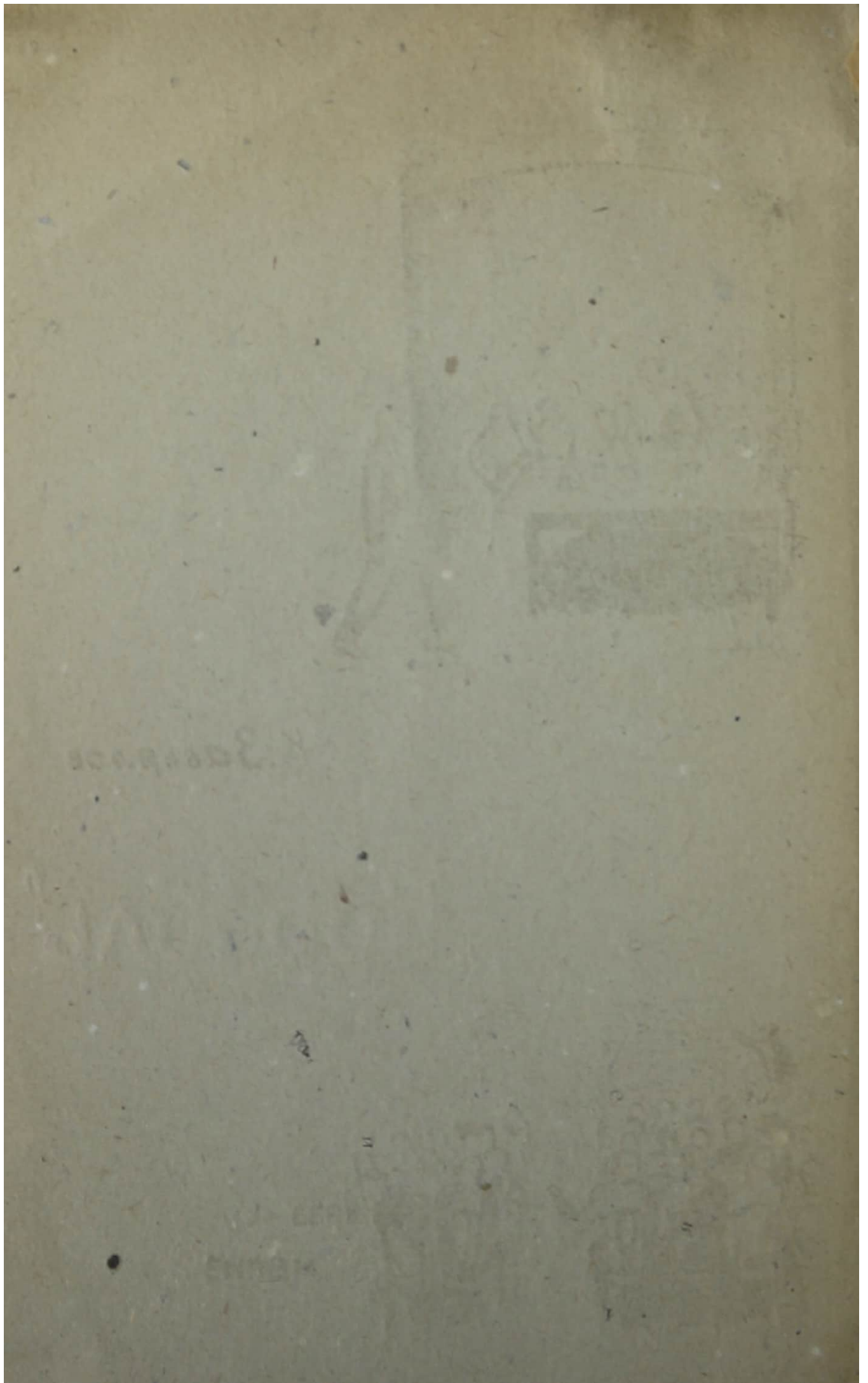
К. Завьялов

„Корабль“

1933

ИВГИЗ

3-139.К
К

К. Завьялов

„Корабль“

Очерк

11955Б

ИВАНОВСКАЯ ОБЛАСТНАЯ
НАУЧНАЯ БИБЛИОТЕКА

Получено 1 С ИЮЛ 1933

Фонд ОЭЗ
Инв. № 11-955Б

Издательство
Ивановской
промышленной
области

1948

1941

Аннотация

„Корабль“ — это жилой многоквартирный дом в Иванове, по фасаду напоминающий корабль.

Недочеты в организации строительства этого дома и других были вскрыты комиссией по чистке советского аппарата.

В своем очерке автор использует материалы этой комиссии.

Редактор *А. С. Рязанов.*

Оформление и техредакция *Вл. Голдобина.*

Бум. 72×110/20. Тираж 8 000+195 экз. 3 печ. л. В п. л. 40 320 зн. Изд. № 582.

Сд. в набор 26/XII—32 г. Подп. к печати 1/IV—33 г. Обллит № 1594.

Заказ № 702. Газетно-журнальный комбинат обл. издательства „Рабочий край“.
Гор. Иваново, Типографская, 4.

Трехсотквартирный дом похож, если на него смотреть издалека, на корабль. Пятиэтажный, продолговатый, он окрашен в дымчатый цвет. Второй и пятый этажи опоясаны белыми балконами. Они кажутся палубой корабля.

...Телегин, председатель поселка „Красный Октябрь“, достраивал этот дом спешно. В декабрьский вечер в окнах „корабля“ засветились ярко лампочки. Люди ходили в комнатах как-то особенно торжественно.

В „корабле“ первым делом занял половину второго этажа Жилсоюз, переделав десяток квартир для своих отделов. Потом поселились те, кто ютился на окраинах города в домишках с тремя, двумя оконцами. В первую очередь ударники с фабрик. Получили квартиры в „корабле“ и работники различных учреждений.

1.

Картинка одного дня

В небольшой комнате на деревянной перегородке висело багряное, вышитое шелком, знамя Жилсоюза. Перед ним стояли два стола в стык, изображая букву Т. За одним сидел Зимин, за другим—Красиков, его зам. Около самой двери, как на страже, примостился Курочкин Егор, секретарь правления. Величали его сотрудники Егорушкой.

Зимин появлялся в кабинете утром, подписывал спешные бумаги, вызывал к себе старших из отделов, проверяя ход какого-либо важного дела, и уезжал. Не всегда застаешь Зимина в кабинете, он все на заседаниях, а то в командировке.

Было мартовское туманное утро. В Жилсоюзе по коридору зашмыгали люди с бумагами. Коридор был узок.

Люди постоянно сталкивались и извинялись друг перед другом.

Зимин посмотрел на мартовский туман, на ручные часы и сказал озабоченно:

— Ну, мне пора!

— Качай, — посоветовал Красиков, собравшись уходить из кабинета по делам внутреннего распорядка. В дверях он встретился с человеком в кубанке, сапогах, крепко пахнувших дегтем.

— Что это, Зимин, делается?.. Умри — не добьешься дела! — проговорил человек в кубанке.

— А, Игнаткин, по каким делам? — нарочито спокойно улыбаясь, встретил его Зимин.

— Ты словно месяц в облаках ныряешь!.. Вчера три раза был, только и слышишь одно: „ушел“. А Егорушка, как попугай, свое твердит: „на заседании“...

— Зачем приехал? — спросил Зимин не совсем спокойного посетителя.

— Бюрократы у тебя сидят в отделах, — начал Игнаткин: — Нужно было подобрать проекты на постройку дома на двадцать тысяч... Приехал вчера. Прихожу в проектный отдел, предлагают чертежик и говорят: „больше нет“. Пришлось идти в Комбанк... Там подали целый альбом! Выбрал проект № 3. Прихожу к вашим и говорю: „Вот в Комбанке есть такие проекты, а вы не позаботились!.. Смотрю — подают такой же альбом. Нашелся и у них, а сначала не показали! Почему? — Игнаткин выразительно посмотрел на Зимина. Тот спокойно, тихо:

— На днях начнется чистка нашего аппарата... Ты напиши-ко об этом заявление и передай в местком Шарову.

На столе затрещал телефон. Вошел в кабинет и Красиков.

Зимин спросил Игнаткина:

— Когда едешь?

— Задержался из-за твоих бюрократов. Завтра вечером.

Телефон продолжал трещать и, казалось, приходил в отчаяние. Зимин взялся за трубку.

— Откуда? Я у телефона... Не могу... Иду на заседание. Красикова? Передаю...

— Просят в двенадцать на фракцию горсовета, — сказал он тихо подошедшему Красикову.

— Что же съездим, — согласился тот, пожимая плечами.

— Заходи завтра утречком, — сказал Зимин Игнаткину, — побеседуем... Сейчас некогда!

— А Егорушка не скажет, что ты „на заседании“?

— Нет, нет. Утром всегда я здесь...

За перегородкой кабинета Зимина и Красикова был кабинет Зайчикова, начальника Жилстроя. В этом кабинете у стола главного инженера Ласкина сидел Гладков, член правления Коротинского райжилсоюза. Приехал он за проектом на водопровод. Ласкин только что вернулся из какой-то комиссии, и, как бы извиняясь, спросил Гладкова:

— Давно ждете?

— Около часа.

— Как дела у вас?

— Приехал за технической помощью...

— Да, помню. Вы просили. Сейчас напишу.

Ласкин начал писать служебную записку.

— Вот передайте в технический отдел облкомхоза, там помощь окажут...

— А будет ли толк?—заволновался Гладков.—Нужен проект на водопровод.. Вы должны руководить им и отвечать за него.

— Мы откуда не берем это на себя,—процедил сквозь зубы Ласкин, откидываясь на спинку стула.

— Категорически?

— Да.

Гладков подумал о чем-то, встал и вышел из кабинета.

Ласкин продолжал сидеть в той же позе. Лицо его почему-то загадочно улыбалось. Потом он быстро встал, подбежал к вешалке, торопливо оделся и ушел.

В кабинет снова вошел Гладков, но уже с Зайчиковым, которого он преследовал начатым раньше разговором:

— Какое же это техническое руководство со стороны Жилстроя? Поди, кланяйся дяде...—и желчно усмехнувшись, добавил:—Где самостоятельность, ответственность?

— Хорошо, я переговорю с ним... У нас ведь есть силы сделать проект..,—успокаивал Зайчиков Гладкова.

Когда он сел за стол, то его маленькая, стриженная под бобрик голова как-то глубоко ушла в широкие плечи, а глаза бегали, как у человека, от которого требуют решительных действий, а он этого боится.

— Зайди к четырем, я все выясню...—добавил он и вышел вслед за Гладковым.

Ровно в четыре Гладков был снова в этом кабинете.

Ласкин стоял у своего стола, собирался опять куда-то уходить и делал спешно отметки на листке настольного календаря.

— Георгий Антонович, говорил с вами Зайчиков о нашем деле? — спросил Гладков.

— Да, да... Обсуждали... Вот и заключение.

Он взял на столе служебную записку, передал ее Гладкову и сказал:

— Это официально! Сознаю всю свою ответственность... — и, сухо простясь, ушел из кабинета.

Гладков недоуменно посмотрел ему в след и начал читать заключение:

Стройконтора Жилсоюза
взять на себя работу по состав-
лению проекта на водопровод
не может.

Главный инженер Л а с к и н.

Прерывисто дыша от подступившей злобы, Гладков, как очумелый, шатаясь, вышел из кабинета и направился в кабинет к соседям.

— Мне бы Зимина... — спросил он Курочкина.

— На заседании...

— А вечером будет?

— Не знаю.

— Как — не знаю?!

— Очень просто... Я не святой дух!..

У Курочкина заблестели глаза. Ответ Гладкову у него сорвался неожиданно.

2.

Брагин получает от РКИ поручение

В кабинете Ярового, председателя РКИ, сидел Брагин. Голос его прозвучал настойчивей:

— Я согласен провести чистку, но только не в Союз-мясе или Плодоовощи!..

— Почему ты хочешь взять Жилсоюз? Эти учреждения молодые, на нови работают, и аппарат их невелик! — возразил Яровой.

— Меня интересует жилкооперация. Инженеры, архитекторы, планы, проекты. Прodelать атаку на этот фронт мне особенно хочется!

— Значит — Жилсоюз?

— Да.

— Хорошо. Аппарат Жилсоюза требует серьезной проверки. Да и Зимин сам настаивает! — вдруг согласился Яровой, бросив потухшую папиросу в пепельницу.

Этим окончилась их беседа. Брагин из РКИ ушел с мандатом председателя комиссии по чистке Жилсоюза.

3.

Подготовка к чистке

Комната № 8 была полна людьми, солнечными лучами и табачным дымом. На скамьях сидели шефники Жилсоюза с деревообделочного завода, активисты с фабрик и несколько жильцов поселка.

— Перестаньте чадить! Жрут табачище и тошнота их не берет, — всех больше сердилась на курильщиков Даша, пожилая работница.

— Пора бы стать покультурнее, — поддержала Дашу домашняя хозяйка из „корабля“ — Катя.

— На улице за окурки-то да за плевки рублем штрафуют, а здесь им хоть бы что!..

В это время в комнату вошел Брагин и, бросая портфель на стол, тоже принялся курить. Заметив Шарова, сказал:

— Местком, открой форточку!

Шаров Сеня, с измятым лицом, точно с порсонья, улыбнулся в ответ и полез открывать форточку.

Брагин проверил по часам время своего прихода и начал убирать на столе. Чернильницу, ручки, карандаши переложил по-своему, сдунул пепел и стал раскладывать свои бумаги. Что-то переговорив с Мочалиным, секретарем партячейки, он взял список собравшихся, сделал какие-то отметки к фамилиям, расстегнул ворот косоворотки и заговорил:

— Товарищи, вас собралось немного, но и это количество позволяет начать дело, взяться за него по-ударному... Нам предстоит проверить, как аппаратом Жилсоюза выполнялись директивы нашей партии и правительства. Мы должны узнать, как выполняется пятилетка жилищно-операции.. Нет ли в аппарате меньшевистского отношения к делу, оппортунизма и вредительства... И наша задача — вскрыть на глазах общественности бюрократизм, волокиту... А такие прелести имеются в аппарате.

Сделав небольшую паузу, он продолжал:

— Но вы не думайте, что пришли сюда только вычистить людей, чуждых советской власти. Нет, нам не только это надо сделать. Нам надо и помочь Жилсоюзу перестроить работу, чтоб она отвечала темпам социалистического строительства... Чистка должна иметь и воспитательное значение. Разрешите мне объявить состав комиссии по чистке. В нее входят: Ковач, Мурашкин — ударники, Шаров — предместкома Жилсоюза, Красиков — член правления...

Было составлено 7 бригад в помощь комиссии и выделены из них бригадиры.

— Товарищ Равнинин, — попросил Брагин, — расскажите-ка нам о структуре Жилсоюза.

— Хорошо, — прозвучал певуче голос Равнинина, члена правления.

— Да, постой, — задержал его Брагин, — поведай-ка сначала, что это на стене висит?

Брагин показал на большой синий лист с разметкой белых линий и каких-то знаков.

— Это наглядная диаграмма структуры Жилсоюза, — ответил Равнинин.

Брагин улыбнулся:

— Какая же это структура? Настоящий оракул для гадания.

— Не смейся, новую скоро вывесим, — заметил Равнинин и начал рассказывать, сколько у Жилсоюза имеется райжилсоюзов, жилищкооперативов и как проводится связь Жилсоюза с низовой сетью.

— Совет жилищкооперации созывается? — спросил Брагин.

— Год не созывали... Помешала перестройка округов на районы...

Брагин встал, убрал в портфель свои бумаги и заявил:

— Завтра в четыре дня заслушаем доклад Зимина о работе Жилсоюза. А бригадирам наказ: через каждые три дня будете докладывать комиссии, как идет проверка работы отделов.

— Не часто ли? — заметил Шаров.

— Ничего!.. Боишься, — не выспишься? — пошутил Брагин и продолжал, обращаясь к бригадирам: — Если будут трудности или кто вам окажет невнимание, сообщайте мне немедленно!

На этом он закончил подготовку к чистке. Когда Брагин уходил из комнаты, под его военной фигурой скрипел плохо слаженный пол,

4.

На докладе Зимина

В большом зале проектного бюро стояла конторка, похожая на кафедру, — готовое место для докладчиков. На одной из колонн красовалось обязательное предупреждение:

ПОСЕТИТЕЛЯМ БЕЗ РАЗРЕШЕНИЯ
ЗАВ. ПРОЕКТНЫМ БЮРО
К СОТРУДНИКАМ НЕ ПОДХОДИТЬ

Нынче в этом зале собрание. За чертежными столами сидели работники отделов, складов, завыв магазинов Жилсоюза, явились и члены бригад. Последние уселись ближе к „кафедре“.

Сеня Шаров волнуется, он беседует с Ковачем:

— Брагин наказывал: „Смотри же, местком, собери на все сто“. А пришли — и сорока нет...

Ковача малое количество собравшихся тоже беспокоит. И он помнит наказ Брагина: „Ты отвечаешь за явку на собрание“.

И он Шарову высказывает свое недовольство:

— Ну, а как их еще созывать? Все в „корабле“ работают. И объявление вывешено, и сам говорил в отделах.

У „кафедры“ сидит Венецианов, зав. проектным бюро, человек с большим стажем инженера-архитектора. Когда-

то он создавал проекты великолепных зданий. Работал за границей. У Венецианова лицо холеное, розовое, но веет от него чуждым холодком. Он пренебрежительно окидывает зал скучающим взглядом, много курит.

За „кафедрой“ появился Зимин. Он высок, сухопар. Голос его твердый, хозяйский.

— Начнемте, товарищи, — остальные подойдут!

Председательствует Шаров. Зимину для доклада дали сорок минут, а он говорит более часа. В зале дымили папиросами, за докладом многие зевали, только бригадиры были на стороже: каждое сообщение Зимина, особенно где плоха работа, записывали.

Из доклада выяснилось, что жилкооперация существует шесть лет. Объединяет до пятидесяти тысяч членов. Отстроено и застроено свыше трехсот тысяч квадратных метров жилплощади. Внесено паевого капитала пять миллионов рублей, а затрачено сорок миллионов. Строительство стоит дорого, но дешевле Ленинграда и Москвы. Хотя стройка домов-гигантов разворачивается и большая, рост членов пайщиков все же очень слаб. У Жилсоюза растет своя промышленность, строятся заводы: кирпичные, известковые, деревообделочные, металлургические, но хозяйство их по выработке продукции только налаживается. Самый же существенный недостаток в работе жилкооперации состоит в том, что она отстает в проведении директив партии. Пятилетний план жилкооперации до низов слабо донесен. Неважно дело обстоит и с мобилизацией средств.

Зимин очень много говорил о достижениях Жилсоюза, а о причинах недостатков — мало и сухо. И только заканчивая, он заговорил вдруг сурово, вспомнив жалобу Игнаткина:

— Прорех у нас не мало... Но даже есть и такие безобразия. Приезжает из района Игнаткин за проектом небольшого дома, в проектном бюро могли его удовлетворить, но почему-то заставили идти в Комбанк...

Зимин обернулся к окну, посмотрел на Венецианова и продолжал:

— Умри, говорит Игнаткин, не добьешься дела! Ведь это позор! — прокричал Зимин, стукнув кулаком по „кафедре“.

В зале публики все также не густо, из двухсот сотрудников Жилсоюза явилась половина. Когда Зимин ответил на вопросы, Шаров постучал карандашом о стакан.

— Ну, кто хочет поговорить? — спросил он.

Все стали смотреть по сторонам, ждать, кто возьмет слово первым. Прошло минуты две, но в зале тихо. Из-за

стола, на котором поля чертежа были испещрены заметками по докладу, встал комсомолец Резвов и с чуть заметным волнением начал говорить:

— Планов в лесном отделе не было. О заготовке дров не старались. Лесорубам, вместо промтоваров, послали детские варежки. Связь с местами бумажная. В работе не было соревнования. Белкина, например, послали в район, где имеется сорок строек, а побывал он только на одной.

В зале чей-то голос подтвердил:

— Это правильно!

— Смотри, — подтолкнул Острый бригадира Климова.

— Поручиков хочет говорить...

Зав. плановым отделом действительно попросил слова и резким тенорком начал:

— Жилищной кооперацией много проделано работы. Но и недостатков у нас не мало!.. Мешали их изживать главным образом объективные причины. Хотя на них и не полагается сейчас ссылаться — за это назовут оппортунистом. Но это так! Я даже подчеркиваю! И конца нет снижению средств на строительство, планы при этом строить трудно! Я знаю, будут ругать за них. А где план жилищной кооперации на этот год? Апрель на носу, а он во многом не готов.

Поручиков остановил глаза на Зимине и предупредил:

— Я не являюсь плановиком из академии...

— Катя Хлопкова, — говорит председательствующий Шаров.

У Кати на смуглых щеках легкий румянец, взгляд черных глаз веселый, но ее слово зазвучало гневно:

— Как это вышло?.. Построили дома, живут в них целые тысячи, а яслей, детсадов, прачечных — ни в одном! Начали наспех делать их из квартир. Разве „умные“ головы раньше об этом не знали? Кричали, в газетах писали: „Долой кухни, горшки, пеленки!“ А на деле планы составили не такие... В домах все те же кухни, только с плитой. Это не раскрепощение работницы, а вредительство!

— А еще вот что скажу, — за одно уж! Пятилетку жилищной кооперации, как говорит товарищ Зимин, массы не знают! Как это получилось? — Катя, посмотрев на Зимина, сделала укоризненный жест в его сторону и закончила: — Надо узнать, как это получилось! На этом я кончу, и с этого же нам надо начинать.

Кронштадтский, зам Поручикова, сделал знак Шарову. Провел рукой по волнистым волосам, громко рассмеялся,

обрадовавшись случаю рассказать, что он знает о работе Жилсоюза.

— Вот вам такая иллюстрация, — сказал Кронштадтский: — Лимиты, то-есть контрольные цифры, планировались пять раз. Начали с пятидесяти шести миллионов, потом с сорока, с тридцати и спустились до десяти. И сейчас мы не знаем, есть конец или нет... И особенно подчеркиваю такое позорное положение: нет яслей, прачечных... Верно, тов. Хлопкова, это безобразие!.. Прошлой осенью правление о чем-то думало, делало заказ на проектировку прачечных и бань. И кому бы вы думали? В домзак, предварительно заключенным инженерам!.. Из всего этого получился нуль!..

— А вы скажите, почему пятилетка в Жилсоюзе не проработана! — раздался голос с места.

— Скажу!.. Мы, плановики, писали в стенную газету: „Надо проработать пятилетний план в кружках“.. Обращались с этой просьбой в местком, но просьба наша оказалась напрасной.

Слушатели пожимали плечами, переглядывались, улыбались. Из рядов, пришедших позднее, стоявших у входа, вышел возчик Бабочкин. Не прося слова, он начал выкладывать свое наболевшее, простое.

— Немножко и я скажу про нашу работенку! Имеется у Жилсоюза двадцать лошадей, а работает только десять, двенадцать: „дуг нет, веревок“. Подавали об этом не раз заявление. А правление хоть бы хны... Никто ни о чем не заботится!

— А ты скажи, сколько пьянства у вас, воровства, — раздался голос Мяткина, завхоза.

— Что же, бывает и это! Возчиков набрали вольных, от частников... А вот слышал ли кто из нас на конном дворе чтонибудь о пятилетке? Нет!

В зале произошло движение. Появился Брагин. Но он не прошел вперед, а остался в зале, сел на подоконник.

— Говорите по существу о Жилсоюзе, а не о дугах и веревках! — заметил Шаров, посмотрев на Бабочкина.

Бабочкина сменил старик Телегин. Поднимаясь со стула, он проворчал, улыбаясь насмешливо:

— Не по существу? У лошадей хозяина нет и не по существу?

И он, подойдя к столу, слегка постукивая клюшкой в пол, начал свое слово, посмотрев на Шарова:

— Ну, а я вот скажу — будет это по существу! Товарищи, — говорил он, всматриваясь старческими глазами в собрание, — мы здесь на каком собрании? Чистка нача-

лась, пришли слушать Зимина, как идет дело. А он об этом прямого, нужного слова не сказал, а как-то мимо, боком проехал, чуть-чуть только задел. Много говорил о достижениях. Мы их знаем, на наших глазах строились дома-гиганты! Про неудачи сказал меньше: „Не успеваем всех задач охватить... Но в общем и целом дело все же налаживается. Наша линия верна.“ А я вот скажу, как она верна... Правление поселка „Красный Октябрь“ пожалуй десять раз решало: „Просить Жилстрой разработать проект на постройку детсадов, помочь оборудовать получше прачечную при поселке, не раз требовало принять меры против волокиты в достройке двухсотквартирного дома и дать план, как построить большую столовую в этом доме... И вот, как вы это назовете: в ответ мы получаем до сих пор в Жилстрое: „Нам некогда такими мелкими делами заниматься!..“ А в правлении Жилсоюза ладят: „Обсудим, поможем...“ А воз и ныне там. Вот поэтому и выходит — бригадирам придется самим нащупать и вскрыть, что не ладно в аппарате. Дело будет вернее!..

Эти последние слова Телегина особенно близкими показались бригадиру Острому, и он начал их расшифровывать.

— Нам крепко придется изучать работу Жилсоюза. Надо установить, имеется ли живая проверка дела, не тушится ли бумагой любовь низов к работе... Ленин, мы знаем, сказал: „На каждую сотню наших ошибок приходится десятки тысяч великих и героических актов“... Такими он их называл потому, что они просты, невидимы, спрятаны в будничной жизни рабочих и крестьян... И если аппарат Жилсоюза не видит, как разгорается любовь к делу, это плохо, он эту любовь гасит, заливают чернилами своего аппарата, душит ее своими бумагами! Вы слышали, что сказал Поручиков? Помешали планировать и ясли, и детсады, и прачечные. И на все это были причины и все объективные.

И Острый, глядя в упор на Поручикова, заставил его сказать:

— Не возражаю!

В записи ораторов произошла какая-то заминка: председатель готов был объявить о прекращении прений. В это время к его столу подошел Брагин. И Шаров хотел сказать, что слово просит Брагин, в это время раздался голос Климова:

— Разрешите. Я немного... Слушал я слово Кронштадтского, слушал, как Бабочкин жаловался, что на конном дворе не рассказали о пятилетке, а Кронштадтский человек образованный и ссылается: „Не помогли, вишь, проработать“.

Он сел. Слово взял Брагин, он говорил коротко о том, что в Жилсоюзе план лежал под сукном.. И в двух словах перед собранием поставил такой вопрос:

— Сотрудников на таком важном собрании всего только сорок процентов! Рекомендую местному по окончании собрания сделать перекличку собравшихся и завтра неявившихся вывесить на черную доску, список сделать полным, не взирая на лица.

5.

Разговор дам

Над громадными окнами магазина „корабля“ прибывали плакат. Ковач выполнял приказ Брагина. Мимо плаката проходили и читали:

„Товарищи рабочие и работницы! Идет чистка Жилсоюза, давайте материалы по характеристике бюрократов и волокитчиков. Вносите свои предложения по улучшению работы аппарата“.

Плакат собрал толпу. Остановилась и гражданка в коричневой панаме. Ее любопытство сменилось чувством тревоги. Хотелось от плаката бежать, но ее остановила другая дама.

— Агтя, здравствуй!..

— Маня.. Ну как твои дела?

— Хвораю. Сегодня проснулась в три и не заснула. Как подумаешь, сердце обливается кровью... Разорили, направляют куда-то партиями..

— Вася говорил, что им Сибирь назначили.

— В девятнадцатом лучше было на душе... Надежда была еще на что-то... А теперь — нет, нет ничего...

— Как Валя растет?

— Болела она у меня, бронхит был, грипп... Вытянулась... Вчера учиться было собралась, а я ее непустила, да и хорошо сделала!.. Собирать металлом посылали! Ну ребенку ли это делать?.. А сегодня новость другая: „Грабли, говорит, мама давай, лопату“! К чему? Разве мы сами не можем приучить детей к трудовым навыкам! Прямо тяжело, тяжело... А как ваш Митя?

— Ничего, учится... Стихи пишет и на скрипке успехи... У нас неприятность!..

— Что такое?

— В Жилсоюзе начали чистить!.. Вася опасается,—и Агтя шепнула что-то подруге на ухо.

— Ах, эта чистка!.. Левушка мой тоже проходил... Придирались за отношение к выдвиженке... Он ей все давал задания — писать ихние возвания... Сам их сочинять смущался, как бы в просак не попасть... А она, эта выдвиженка, давно в партии, а пишет только одни каракули... Лева все написанное у ней выправлял... Потом словно что наехало на нее, не хочет писать и не хочет. Что вы, говорит, сами ни разу не напишите?.. Не буду, да и все. Он ей и скажи: „Мне тяжело это делать. Мне легче выправить написанное тобой, я больше на это способен“. Должно быть во время чистки это выяснилось, и Левушку за это обвинили в приспособленчестве... А чего ему стоило написать свою военную биографию.

— Васе то же надо сделать, — вздохнула Агтя Леопольдовна.

— Да, Агтя! А как было смешно выступление этой выдвиженки против Левушки!.. Я ходила слушать!.. Чего-чего не приписывала она ему: „Мало время он уделяет общественной работе... в их драмкружке в клубе“. И будто бы он ей говорил такие вещи: „Вот если бы ты, товарищ Грибова, подыскала мне хорошую любовницу, обязательно бы стал участвовать в драмкружке“... Она и кричала во время чистки на Левушку: „Образованный человек!.. В пролетарском искусстве знает только — любовников играть на сцене...“ Но над этим посмеялись только.

— И я пойду слушать, как будут Васю чистить!..

— Конечно, конечно!.. Интересно, как допрашивают...

6.

Собрание в плановом отделе

Автобусы в городе делали первый рейс, под их шум проснулся Острый, и первая его мысль была: „Сегодня в плановый отдел“... Он посмотрел вчера, хотя и бегло, папку бумаг плановиков. По распоряжению Курочкина принесли двадцать папок. Они были толстые, пыльные, бумаги сшиты перепутано, — изо всех отделов Жилсоюза.

Мысли о собрании в плановом отделе тревожили Острого. Он не допил даже второй стакан чая и, сев за стол, начал терпеливо отмечать в сделанных вчера записках, что использовать на собрании плановиков.

„Поручикову надо поставить вопросы, чтоб видно было из его ответов, каков он плановик“ — думает Острый. И первым вопросом, который внес он в свой блок-нот, был вопрос: „Как проводится единоначалие в плановом отделе?“

Острый вспомнил, как Зимин в своем докладе назвал строительство культурно-бытовых очагов „забытым участком“, у него возник еще один вопрос: „Какое было планирование яслей, детсадов, прачечных, столовых в тридцатом году и как был выполнен план?“

Обдумывая дальнейшие вопросы, он вспомнил и недавнюю беседу с Примиренцевым, плановиком, как этот сухонький человек в пенсне, с пытливыми глазами, настаивал и повторял несколько раз, что выполнение контрольных цифр на основных и вторых членов невозможно.

И надо же было так случиться: пока Острый думал о Примиренцеве, он, проживая в смежной квартире, сам пожаловал к нему и опять начал все о том же:

— Так, так, Николай Иванович... Сорок тысяч на вербовать и за один год? Да ведь это не фунт изюма! Ну, что же — возражай!

— Нельзя да нельзя... А в чем причины-то? — с досадой спросил Острый.

— Причины? Есть. Первая — вступить рабочему в жилищную кооперацию не позволяет его слабый бюджет; вторая — он не знает, как скоро будет обеспечен квартирой... Стройка-то ведь омертвела?

— Примиренцев, так рассуждают оппортунисты!

— Ну вот, я так и знал! — перебил он: — Лучше молчать, дельнее будет!

— Не молчать, а надо помнить, что эти цифры обком партии знает. Что же, по-твоему, там их ни с того, ни с другого утвердили?

— Товарищ Острый, все это так, но и в самом правлении Жилсоюза в них не верят. Что из этого?..

— Но раз обком утвердил, надо выполнять! Ты коммунист, а стонешь: невыполнимы да невыполнимы... Триста тысяч рабочих в области, а в жилищной кооперации их только двадцать тысяч! Работы массовой нет, вот где причины!

— Какую работу не проводи, а выполнить все-таки трудно!..

Примиренцев явно не хотел сдаваться.

В комнате, где работали плановики, вокруг стола Поручикова сидели члены двух бригад. Поручиков что-то искал в шкафу. Руки нервно шуршали пыльными бумагами. Он никак не мог найти нужного.

Кронштадский за своим столом рассматривал какую-то таблицу и делал на ней красным карандашом отметки.

Примиренцев, поблескивая пенснэ, во что-то посвящал Добрынина из орготдела. Говорил он тихо, отрывисто, показывая в воздухе длинным указательным пальцем.

Ковач ходил хмурый, круто останавливался и записывал явившихся бригадиров.

— Шестой час уж... Может начнем?—спросил Поручиков, осматривая собравшихся.

— Да надо бы, — согласился Острый.

Вошла Неудачина, раскачиваясь на высоких каблуках. На одном пальце левой руки висел желтый маленький портфель.

— И мне как будто надо быть у вас? — лениво заговорила она.

— А разве тебя не касаются планы? — вопросительно сказал и посмотрел на нее Ковач.

— Что больно сердит? Сама знаю, что по плану все работаем. Да нынче еще заседание!..

— Ничего, здесь важнее для тебя.

Ковач не смутил своей сухостью Неудачину, и потому она важно расселась у окошка, вытянув ноги в новых желтых ботинках. Неудачина не знала, что сегодня в комиссию по чистке на нее подали заявление. Оно уже побывало в руках Ковача, на котором он оставил маленькую подпись для Брагина.

В этом заявлении Умнов, инструктор, о себе написал:

„Мой начальник Неудачина совершенно не похожа на бывшую работницу — это портрет прежнего чиновника. Она меня посылает на базар за морковью. Хожу за обедом в столовую. В работу не втягивает.“

Собрание началось, первым докладывал Поручиков.

— Я уже сообщал, — говорил он громко, натуженно, — что я плановик не из академии. На этом деле мы только учимся. Кронштадтский, мой заместитель, с высшим образованием. Примиренцев кончил торговую школу, был бухгалтером... Солдатов только счетный работник, планирует

производство, не зная его совсем. Но есть у него ценная черта — он стремится его изучать. Сейчас знакомится, как кирпич делается...

И он признался второй раз:

— Мы все на этом деле только учимся. Мною дается всем самый широкий простор самодеятельности.

О недостатках говорил спокойно, как будто все это самое обыкновенное дело, а плановики — и виноваты, и нет... Одним словом, говорил обо всем. Говорил так, как пишут экстренно отчеты начальнику: „Планирование тормозится из-за изменения лимитов. Контрольные цифры есть, но не на все отрасли“...

Кончив свой доклад, Поручиков поправил выбившийся голубой галстук, обтер платком короткую со складками шею, гладко выбритую голову, и заявил:

— Вы будете знакомиться с нашими бумагами, — мы к вашим услугам.

Спросил:

— Может будут вопросы?

— Отдохните, а мы их приготовим, — усмехнулся Ковач.

Поручиков закурил папиросу. К Ковачу подошла Неудачина.

— Я уйду, — сказала она и кивнула головой в сторону двери.

— Почему? Самое важное впереди...

— У меня еще заседание!

— Иди, — а еще культотдел. Я доложу об этом Брагину!

— Пожалуйста!.. — и она ушла внешне спокойная, гордая, раскачиваясь на высоких каблуках.

Заседание с плановиками продолжалось. Острый спросил Поручикова.

— Выполнима ли пятилетка Жилсоюза?

— Нет, невыполнима.

— Почему?

— Капиталовложение снизилось.

На вопрос о единоначалии он сделал недоумевающее лицо, прищурил глаза, как бы скрывая усмешку.

— Я уже говорил. Даю полный простор самодеятельности.

Бригадир Копушин, лелея постоянную заботу о культотделе, не выдержал, вмешался.

— Как планировались ясли, прачечные?..

— Товарищ Зимин сказал же в докладе: „Это был у нас забытый участок“... План выполнен на один процент!

— А по кадрам как обстоит дело? — спросил Острый.

— Только приступаем планировать...

— У меня вопрос, — вмешалась Катя Хлопкова: — Как у вас соцсоревнование и ударничество?

— Вот смотрите, — Поручиков показал на стену. На стене висел белый лист, в рамке, с красным заголовком: —

— А результаты? — вставил Острый.

На этот вопрос последовало полное молчание.

— Встречные промфинпланы есть?

— Нет. Но мы их на заводы разработали.

— Почему слаб рост членства в жилищкооперацию?

На лице Поручикова появилась чуть заметная улыбка. Он посмотрел на Примиренцева, а тот как бы ждал этого смело заявил:

— Вот, вот... это больной и важный вопрос!..

— Правильнее сказать, — продолжал Поручиков, — выполнимы ли контрольные цифры на сорок тысяч основных членов и пять тысяч вторых? Я отвечаю: основных трудно... Бюджет рабочего не позволяет... Вторых невозможно... Какой интерес быть вторым членом, например, вашей жене или дочери, когда это никаких ей прав не дает.

— Как не дает? — бросил Острый строго. — Вторым член получает право голоса. Он может быть избран!..

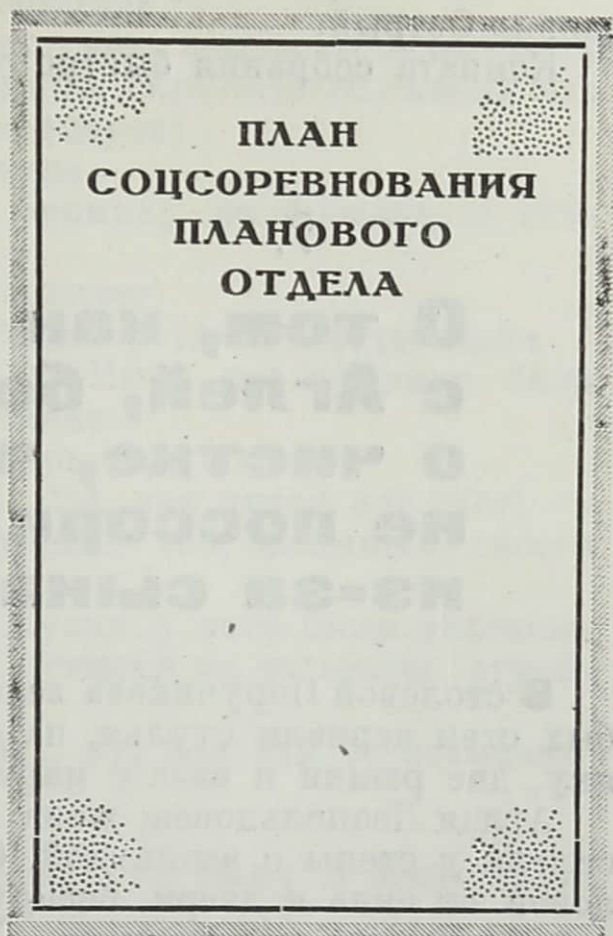
— Позвольте добавить, — снова вмешался Примиренцев.

— Ну, ну, — промычал Острый.

— Самое главное — приостановилась новая застройка домов... Рабочий не верит, что он скоро квартиру получит... Товарищ Острый сейчас назовет меня оппортунистом!..

Поручиков ждал новых вопросов, но собрание запоздало. И когда Острый заметил: „Как будто вопросов больше нет“, бригадир Махоркин, все время молчавший, обратился к Поручикову:

— А планы на лесозаготовки, на огородное хозяйство и дачное строительство есть?

— Нет. Это новое для Жилсоюза дело...—ответил нехотя Поручиков, словно хотел этим подсказать, что пора кончать.

— На этом, пожалуй, и кончим нашу первую работу,—заявил Острый.

Комната собрания быстро опустела.

7.

О том, как Поручиков с Аглей, беседуя о чистке, чуть не поссорились из-за сына Мити

В столовой Поручикова зеленели фикусы, у бледно голубых стен чернели стулья, на столе блестела бутылка коньяку, две рюмки и ваза с мармеладом.

Аглая Леопольдова, жена Поручикова, с томным лицом сидела у стены с вышивкой. Сам Поручиков шагал по столовой от окна к двери, беседуя с Аглей. Дверь из столовой была чуть приотворена, слышны были звуки скрипки.

— Да, как не говори, а чистка началась!.. Во что-то она выльется?

Он налил в рюмку коньяку, посмотрел на искрящееся вино, выпил и кокетливо двумя пальцами отправил в рот, мармеладку.

—Я тебе говорила... Мария Хрисановна мне призналась—что и ее Левушка белый офицер, а чистку прошел. И ни чего...

— То Левушка, а то я... Мне труднее будет! У Колчака был...

— Вася, а как же в Одессу... К морю?—дрожаще вырвалось у Аглаи.

— Поедем в июле, если пройдет все благополучно,—и Поручиков остановился перед Аглей со словами:— Мне думается, что при чистке я сумею оправдать мое возвращение в Одессу, к белым, тем, что мой путь туда был не к белым, а к тебе, тогда дорогой и милой невесте... Ведь это и на самом деле так было, мне нужна была не Одесса, а ты...

— Да, да... так и скажи.

В столовую продолжали врываться звуки скрипки. У Аглаи глаза сделались еще тенистее.

— Вася, когда Митя играет, мне всегда вспоминается наша встреча в Одессе... Помнишь скрипача Шумана? Его большое искусство?.. Гости офицеров?..

Скрипка их сына не умолкала.

— Нет, Митя неутомим: и скрипку не бросает, и стихи пишет!

— А вот в техникуме не успевает!

Отцовской оценкой Мити Аглая осталась недовольна.

— Ты его плохо ценишь. У Мити нет желания быть строителем. Его к искусству тянет.

— К искусству?.. Какое теперь искусство!

— Да что с тобой говорить! Ты, как дятел, всё свое!.. — Аглая перешла на недружелюбный тон, защищая своего любимца.

В столовую вошел Митя, в руках у него была скрипка.

— Хотите слушать новое?.. — сказал он, улыбаясь, стройный, холеный.

— Сыграй.. Разгони у мамы... ну, как там ее называют хандру, что ли...

Митя заиграл.

Аглая не дослушала, подбежала к сыну и восторженно начала его обнимать.

— Милый, замечательно!

— Митя, брось ты свою скрипку и стихи, займись покрепче в техникуме... А то смотри, останешься ни то ни се

Митя изумленно посмотрел в спину отца, когда тот подошел к окну. А потом, положив скрипку и смычек на стол, сказал:

— Одно другому не мешает.

— Митя, не слушай отца: пиши, играй!.. — вызывающе прозвучало у Аглаи.

Ободренный матерью, он вынул из кармана синеватой куртки маленький листочек и спокойно, как бы не чувствуя отцовской обиды, предложил прослушать последние его стихи.

— Ну, ну... давай послушаем, — и насмешливо посмотрел на поэта, а потом и на его мать.

Митя прочитал несколько строк своего стихотворения

-то особенно поюще:

Как устал я от шумного города
В суете утомительных дней,
И как снова мне желанно и дорого
Озаренье чистой юности твоей!..

— Славно Митя, это совсем в моем вкусе! — продолжала восхищаться Аглая.

— Никуда не годится!.. Мещанство, скажут, интеллигентщина старая... Ты лучше напиши о стройке, о работе... — агитировал Поручиков, и снова потянулся к коньяку.

А Аглая Леопольдовна была нема. Слова мужа: „напиши о стройке, о работе“ напомнили ей о чистке ее Васи.

Чистка продолжала беспокоить и Поручикова. И он после музыкально-поэтического сеанса, уходя в свой кабинет, сказал:

— Надо готовиться!.. Иду писать для комиссии свою биографию.

8.

Большевик Телегин и две бочки цемента

В половине апреля на заседание фракции правления поселка „Красный Октябрь“ был приглашен Острый. В маленькой комнате у Мочалина собралось пять коммунистов. Телегину все были только по плечо, и от тесноты комнаты он казался еще более громоздким. Бывшего штукатура все называли „Дедушкой“. Но его энергия и неуемный интерес к работе при его семидесятилетнем возрасте были, как у комсомольца.

Телегин — сын красноярского водовоза. Он с одиннадцати лет начал жить, как говорится, „сам себе хозяином“. Таким „хозяином“ на подрядчиков-штукатуров он ломил боком сорок пять лет. В 1905 году стачка железнодорожников и строителей на спине Телегина оставила глубокие следы царских нагаек. После этого с отцом на время ушел в деревню. Как начался восемнадцатый год, Сибирь запылала в огне гражданской войны. По ее городам, селам и тайге рыскали шайки Колчака. Телегин в это время работал в Томске. Квартирная хозяйка донесла на штукатура, и он попадает в цепкие руки колчаковской контрразведки. Ему угрожает расстрел.

Но Телегин — революционер, и, сговорившись с одним из арестованных, он выбирает момент, снимает с поста часового, оглушив его ударом кирпича, и бежит.

Колчак изгнан, а Телегин организует первый в Сибири союз строителей.

Прогремели на весь мир победы СССР. Телегин работает председателем союза у себя на родине, в Красноярске, а затем в Полтаве. Дальше он член ЦК союза.

Дедушка круглый сезон воодушевляет сезонников своим энтузиазмом, простым, но горячим словом на стройку новых фабрик и заводов. Он обязательно провожает окончивших работы осенью с оркестром.

Телегина послали было на покой, с персональной пенсией, но Дедушке не сидится дома. Кто, как не он, посещает все собрания, кричит, волнуется, когда видит, что дело идет плохо? Он полон жажды работать. И вот он, хотя и на пенсии, но председатель поселка „Красный Октябрь“, заставил достроить „корабль“ в срок. Собрал он сегодня фракцию и делает свое сообщение.

— Товарищи, скажите, а какую же роль играет Алешин как секретарь старого правления и главбух Примиренцев с ним? А Жилсоюз спокойно взял их под свое крылышко!..

Надо сказать, что как только Телегин сел на председательское место, Примиренцев подал отставку, заявил об уходе в Жилсоюз, в плановый отдел. За ним вслед поторопился и Алешин. Перебравшись на новые места, они всячески критикуют Телегина, собирают все мелочи, не терпят и его привычек. Они насмешливо говорят: „Ходит с клюшкой, словно помещик“...

Они еще усиленнее стали высмеивать Телегина, когда Примиренцев узнал, что в комиссию по чистке поступило на них заявление Телегина и документ—копия со счета артели „Случайность“. Вот его содержание:

С Ч Е Т

Выписать две бочки цемента для артели „Случайность“ за наличный расчет.

Зам. председателя (Алешин)
Главбух (Примиренцев)

Артель „Случайность“ была выдумкой, а цемент таким путем решил купить прораб поселка „Красный Октябрь“ Веточкин для своего дома.

Пользуясь большими симпатиями Алешина и Примиренцева, он сумел с торгов у правления купить за бесценок

один из домов бывших хозяев площади, на которой возведен дом-гигант.

Секретарь Алешин, учтя то положение, что председатель Дробилкин не распорядился сообщить о торгах в газете, деликатно подсунул покупателя, Веточкина. „Свой человек... Лучше будет работать... А впрочем, как хотите!...“ — Так рекомендовал Алешин покупателя Веточкина.

При обсуждении сообщения Телегина Острый сказал:

— Дело ясное... Веточкиных много!... Рвут и рвут они кусочки от общественного пирога, а он к тому же сдобный, миллионная стройка! Мое мнение: просить комиссию по чистке поставить Алешина на персональную чистку. Он и в Жилстрое занял место без технических знаний, а жалованье получает спеца. Комиссия учтет все..

— А с Примиренцевым как? — вставил Телегин.

— Поставить на ячейку, а о Веточкине в суд передать, — ответил Телегину все время молчавший Потапов.

— На ячейку? — буркнул Телегин: — А правильно ли будет?

— Куда же? — продолжал Потапов: — А про Алешина я не раз говорил... Жалоб-то на него было сколько? Конечно, надо факты, но все знают, как он ходил в гости к Веточкину. И все это знали, и все об этом молчали. И в стенной газете ни гу-гу!

— Писать? Там и сейчас зажим! — заметил Буйков, техник из поселка „Красный Октябрь“.

— Да, кстати... зачитаем заметку Буйкова, я же не велел помещать, — предложил Мочалин.

Буйков, имея квартиру в „корабле“, был недоволен Телегиным. Он требовал разрешения у него сдать пустующую комнату. А Телегин, когда узнал, что Буйков отказал в ней коммунисту, приехавшему из другой области, заявил: „Не разрешаю сдавать комнаты не членам жилкооперации!“ И вот этот-то Буйков, когда ушел вслед за Примиренцевым работать в Жилстрой к Ласкину, взял да и написал заметку, как Телегин собирается ехать в Москву по делам правления поселка.

Заметку решили зачитать. Буйков, отвернувшись к окну, улыбался. Члены фракции, слушая, как Буйков описал свои сомнения по постройке фермы, были удивлены концом заметки, где говорилось:

„Дедушка“ Телегин, испугавшись, что купленные им для фермы поросята и коровы в примитивных сарайчиках подохнут, собрался в Москву поправлять свои дела. Стоит это он на перроне, как помещик, с клюшкой...“

— Издевка это, а не критика, — прокричал Острый.

Буйков продолжал смотреть в окно, барабанил пальцами по подоконнику. Потапов, с табакеркой в руке, посмотрев ему в спину, поморщился.

А Телегин тяжело и медленно повел сидящей головой, потом вдруг поднял ее и снял очки.

— Эх, как подло это, а коммунист? — сказал он с силой.

— Какие предложения будут? — спросил тихо Мочалин.

— Передать заметку в комиссию по чистке, а о поведении Буйкова — на бюро!.. — дополнил Потапов.

— Я буду говорить в райкоме партии о зажиме самокритики, — заявил Буйков и вызывающе направился к двери.

— Значит, так и сделаем! — заключил Мочалин.

Фракция разошлась.

В комнате остался один Телегин. Он подошел к окну и стал наблюдать, как на площадке двора дети катают большой мяч.

Вспомнился ему лозунг: „Оборудуйте дворы для занятий детворы“, как он заставил жильцов посадить липок вокруг площадки.

Вспоминает Телегин, как вчера он устроил собрание уполномоченных подъездов. На нем тоже кричали: „Пролетим с фермой!.. Круто берем... Ферма далеко от города!“

Он им на это свое: „Вы думаете, правление ничего не делает? Вас будут дожидаться... Нет, помогайте только! Столовая детская есть. Столовую для взрослых улучшаем. Хотя из квартир, вина не наша, в планах Жилсоюза не было культочагов, а устроили. Имеем два детсада, ясли расширили! И ферма нужна! Сколько пользы. Все свое будет: овощи, молоко, дачные дома отдыха...“

Телегин вспомнил и Буйкова, прошептал: „Ах пакость... Как помещик хожу с клюшкой!..“

9.

Письмо Брагину

Накануне первого мая Ковач и Острый были на собрании партячейки. Этот вечер в Жилсоюзе Острый провел в большом волнении. После собрания у подъезда он Ковачу сказал:

— Я напишу письмо Брагину...

— Какое?

— Про ячейку.

— Надо бы, — согласился Ковач.

И Острый на праздниках написал это письмо.

„Товарищу Брагину

Меня вчера очень удивило, как решали вопросы на партячейке. А ведь обсуждали решения обкома партии о строительстве новой промышленности, и этот вопрос был поставлен последним.

Собрание вел Мочалин. Первое — прием в партию. Он доложил: есть заявление Данкратова... Сын рабочего, активный комсомолец, учится на курсах десятников. Поручаются за него: он, Шаров и еще кого-то назвал, позабыл.

Бюро решило принять с шестимесячным стажем. По этому вопросу на собрании высказался только один Стриганков:

— Данкратову надо проявить побольше активности. Мое мнение: рано его принимать в партию.

И все голосовали: „не годен“.

Это меня удивило. Мочалин, секретарь, поручался, а после голосования только улыбался. А Красиков — член бюро, а для него этот вопрос не интересен, маленький. Ни слова не сказал в защиту решения бюро.

Об отчетах Жилсоюза в связи с проведением перевыборов правлений в жилкооперативах докладывал Зимин. Говорил о важности мобилизации масс на это дело... И все, кто не выступал, кончали, одним: „Вовлечь на отчеты и выборы всю массу на сто процентов“.

Дальше вопрос о кандидатах в правление поселка „Красный Октябрь“. Красиков просто предложил утвердить намеченных в списке. А когда спросили:

— Почему Телегина нет в списке? — отвечал на это Зимин:

— Не справляется с работой... Мы вводим Добрынина, нашего зав. орготделом... — но оговорился: — Телегина можно ввести в правление, но дать ему надо другую работу — не председателя...

Примиренцев и Буйков от этого зацвели радостными улыбками. Первый взял слово и начал:

— Многие защищают Телегина, он, дескать, детскую столовую устроил, и пято и десято!.. Недостатки вскрыл в работе старого правления, отыскал преступление... Велика беда!.. Продали десятнику Веточкину две бочки цемента!.. Телегин не считается с секретарем Мочалиным. Только жалуется: „Плохо Жилсоюз помогает“...

За Примиренцевым встал Буйков. Начал скромненько, словно стыдась:

— Хотел я воздержаться, но надо и мне кой-что сказать. Мои отношения к Телегину после заметки в газете испортились. Но это пока только в порядке замечания! По моему, скажу откровенно, ну

какой Телегин! Напишет отчет каракулями и читает собранию. Кричит: „Все сделаем!“ Ферму строить собирается... Пролетят денежки впустую! А в подготовке к первому мая какую работу, проводил? Жильцов заставил во дворе с тротуаров лед убирать...“

Выступил и Красиков очень деликатно:

— Телегин ведет неправильную линию. Думает, что сотрудники ушедшие от него в Жилсоюз, влияют... Поэтому, де, и против его в правление Жилсоюза. Нужды нет выкладывать недостатки Телегина, а в председатели надо провести нашего Добрынина, он массовую работу поставит.

А ячейка-то, ячейка! Все сидят, переглядываются, недоумевают почему стал негоден Телегин...

Не умолчал и я, взял слово:

— Виновато, говорю, бюро, давно бы надо поставить на ячейке про сплетни о Телегине, а оно молчало, видя, как Примиренцев и Буйков всячески чернят Телегина за то, что он работает, как надо большевику.

Зимин еще раз повторил: „Стар, де, Телегин, но провести в правление надо... Дадим Дедушке другую работу...“

Мочалин молчит, только на всех улыбается... Ну, какой это секретарь, товарищ Брагин! Молод, неопытен... И хорошо, и плохо — все улыбается.

Наконец со списком согласились и ввели в него Телегина.

Надо было обсуждать самый большой вопрос — решения обкома партии о строительстве новой промышленности. Зимин пропал. Сказали, что ушел на какое-то заседание. Мочалин пересказал решения обкома без всяких выводов и перспектив для жилкооперации.

Настроение собрания опадало, все на часы посматривают.

Когда Мочалин кончил доклад, как будто никто и говорить не хотел. Словом „примем к сведению и выполнению?..“ И все вздохнут облегченно.

Злость меня охватила. Думаю: „Оппортунисты вы... Почему молчите не скажите, по каким причинам в строительстве растут безобразия. Мобилизация средств еле двигается“.

Поговорил Красиков минут пять о заданиях Жилсоюза в связи с строительством в нашей области новой промышленности.

Избрали комиссию и поручили ей написать резолюцию.

В разном Мочалин только и сказал:

— Завтра, в десять утра собраться всем у Жилсоюза! Пойдем на демонстрацию.

А на деле как получилось?

Пришло людей — горсточка. Пошли без майских лозунгов, как любопытные ходят. Вот, товарищ Брагин, поэтому и видно, почему коммунисты в Жилсоюзе немые к чистке.

Острый“.

Поручение Острому. Циркуляры правления, а неудачи — дядя виноват

Майские дни как-то вдруг похолодали, пахло не маем, а октябрём. Ветер настойчиво свистал с севера, то и дело показывался снег. В Жилсоюзе без пальто работать было невозможно. Из комнат всех тянуло в коридор, к громадному самовару, и в стаканах с чаем от него разносили тепло.

— Чертовски погода изменилась!.. заметил Брагин и, ни к кому не обращаясь, добавил:—Когда же тепло будет, а?

Все улыбнулись. А он спокойно сел за свой стол и, открывая пузатый портфель, задумался. Потом спросил:

— Ну, как у вас дела?

— Мое письмо читал? — спросил Острый.

— А-а... письмо!.. Вот это коленкор... Ха-ха-ха... Хорошее дадим приложение к выводам... — и неожиданно предложил Острому: — Тебе надо начать проверку работы правления. Организуй бригаду.

— Что ты! — сорвалось у Острога: — У меня и без того много работы. Не могу.

— Ничего, справишься!

— Опыта на это нет. А работа важная...

— Я помогу. Вот установка, — и Брагин быстро написал на листке блок-нота, что надо проверить, а внизу приписал, как бы шутя: „При чем нервы свои держи в руках, преврати их в веревки, больше спокойствия, и ты победишь...“

Потирая озябшие руки, Острый прочитал написанное размашистой брагинской рукой, все глубже и глубже вчитывался в него, как бы собирая силы и решительность овладеть заданием. В таких случаях у Острога всегда повышалось недовольство, когда при увлечении какой-либо работой приходилось оставлять и начинать неожиданно другую. Но всегда, попутно с этим, у него быстро нарастали мысли, как овладеть новой работой. Вот и сейчас он начал с того: „Надо будет решения обкома и облисполкома проработать... Вызову Зимина или Красикова...выясню...“

И тут же нарисовал мысленно картину. „Придет Зимин сядет, а я скажу ему: „Делаю то, что Ленин велел — проверять людей и фактическое исполнение дела. В этом теперь весь гвоздь всей работы, всей политики“... Зимин улыбнется, будет объяснять.. Все запишу...“ И он уже готов был засесть за бумаги.

Брагин разбирает заявления в комиссию. Часть намерен возвратить Мурашкину, думает по одним выяснить суть дела, на остальных делает какие-то пометки.

— Выводы о плановиках ты не задерживай... — напомнил он Острому, убирая бумаги в портфель.

— Не задержу!.. Осталось только их перепечатать.

Брагин громко кашлянул. Казалось, что и мухи начали тревожно мыкаться, а когда встал и начал ходить по комнате, то деревянные половицы как никогда заскрипели. Острый заражался силой фигуры Брагина, с ним ему работалось легче.

По целым дням Острый с Ковачем и Климовым изучали решения облисполкома, профсоюзов, горсовета, делали выписки из протоколов правления и подолгу Острый задерживался на некоторых цифрах пятилетнего плана Жилсоюза.

Беседуя с Красиковым и Равнининым, он чувствовал какую-то тяжесть, удрученность. Их ответы были или сухи, или расплывчаты: „Не успеваем“, а больше — „дядя виноват“.

Правление знало, какая строгая директива была дана по мобилизации средств. Острый стремился показать, как то и другое дело выполнялось, подсчитывал, сколько за подписью Зимина и Красикова спущено циркуляров. Циркуляры были написаны не мягко: „Согласно нашему циркуляру от 13 ноября за № 102, предлагаем углубить и расширить...“ И более грозные: „Принять меры к неплательщикам квартирной платы, через суд лишить квартиры, запретить без разрешения пускать квартирантов... В 6 часов вечера каждого 1, 10, 21 числа предлагаем председателям являться в Жилсоюз с докладом и материалами о ходе кампании...“

Когда бригада начала критиковать за циркулярную работу, то Красиков, всегда эластичный, умеющий сердиться, но осторожно, на этот раз осерчал. Он стал указывать

Острому: „Вы сгущаете краски!“ А Острый решительно: „Нет, так и было... И ревкомиссия так записала в акте... Читайте!“ — показывал готовую уже выписку из акта.

Сегодня в правлении Острый никак не мог установить, что сделано на решение облпрофсовета: как проведен ясельный поход. Равнинин сказал: „Директивы давались...“ Острый искал их в бумагах, но никаких признаков.

Он попросил планы работ правления на каждый квартал. Егорушка ответил не ему, а Ковачу:

— Не знаю, где они, ищите в папках сами...

Наконец их нашли, но они были не все. Зимин напирал на Егорушку:

— Должны они быть!..

А Егорушка свое, настойчиво:

— Да я же говорю вам — нет их у меня...

В пятилетнем плане была намечена постройка 12 кирпичных заводов. Три, по словам правленцев, как будто застроены, а на остальные „средств не дают“. Ну, а кто даст средства, когда у Жилсоюза на некоторые заводы еще и проектов нет.

Как работала Неудачина, показалось Острому и смешно, и горько.

Центрожилсоюз прислал циркуляр о проведении МЮД. Неудачина приказала его перепечатать на машинке, но без подписей правленцев из центра. Подписалась вместо них сама и разослала со строгой сопроводителькой: „Неуклонно провести в жизнь“.

Циркулярчик общества „Друг детей“ о создании ячеек в жилкооперативах так и лежит в папке свеженький, чистенький, без всякой пометочки.

На просьбе об отпуске нескольких сот рублей на библиотечное дело Неудачина наложила такую резолюцию: „Средств нет“. Мотивы такого отказа были написаны и в протоколе правления Жилсоюза.

Приближалась персональная чистка. Острый торопился с выводами о работе правления. Написал их, но все думает: „Не слабы ли?“. Держал не раз совет с Ковачом, говорил ему:

— Работу правления я считаю правым оппортунизмом на практике!

— Чего глядеть, верно! — соглашался Ковач.

Когда Острый свою работу с такими выводам сдал Брагину, то чувствовал — стало легко и радостно, да и стыдно за то, что он раньше это дело не хотел брать.

В один из вечеров Брагин с бригадирами пришел составить список, кого поставить на персональную чистку, но предварительно заявил Острому:

— Твой выводы о правлении слабы...

— Как слабы?.. Все отмечено!..

— Нет, не все!.. — продолжал Брагин, улыбаясь: — Финансовый план как выполнен? Ни звука. Есть ли омертвление капитала, снижение стоимости строительства... Вредительство указано ли? Нет. Надо дополнить.

— Да... финплан, вредительство... — пробормотал Острый смущенно.

— Вот, вот!.. Это обязательно... И надо прямо, твердо написать: „Работа правления — оппортунизм на практике“. С этого и надо начать, а дальше — факты, факты...

У Ковача белки глаз ворочаются, как никогда. Мурашкин улыбается. Острый молчит. Недовольство выводами Брагина толкало Острого сейчас же начать дополнительную работу.

„Надо будет спросить самого Зимина,“ — подумал он, встав со стула, и ушел из комнаты.

Накануне беседы с Зиминим Острый сидел в своей квартире и думал: „Сказать, есть вредительство или нет — дело ответственное...“ И он мысленно прикидывал: „Ну, вот четырехсотквартирный дом.. О нем говорят: „Похож на американскую тюрьму...“ Солнце внутри двора никогда не увидишь... А разве это не вредительство? Настроили дома-гиганты, где нет еще водопровода и канализации... Омертвлен капитал на год, а может и больше... Кирпича миллион второй год стоит без движения, портится... А гвоздильные станки лежали под снегом!.. И это все факты и факты, о которых говорил Брагин...“

На утро, просмотрев ряд новых документов, Острый запросил у главбуха Бахвалова сведения о выполнении финансового плана. Ответ получился короткий, спокойный:

— Не могу сказать: баланс еще не выведен.

- Почему?
- Не все места прислали отчеты.
- А за первый квартал этого года?..
- Чего требуете! Разве во всем можно успеть!..
- Тогда не можете ли дать цифры, какие есть, за истекший квартал? Например, итоги сбора паенакопления по Жилсоюзу.

Эта просьба была удовлетворительна, Острому на клочке бумаги написали:

*Облжилсоюз должен был собрать
за 1 квартал 1931 г. 500 000 руб.,
а собрано 112 641.*

Главбух Бахвалов

Машинистки уже стучали на машинках, Острый в комнате № 8 сидел с Зиминым, беседа:

- Я узнал, у вас в финотделе баланс еще не сведен?
- Так обстоит не у нас одних!.. В порядке вещей, из года в год получается...

— Как так... Разве ты не знаешь, что сейчас мы на хозрасчете? Не даст банк денег!.. И неизвестно, как работали: с прибылью или убытком... Есть ли снижение стоимости строительства?

- Уладится... — отвечал Зимин спокойно.
- Вот имеется на один миллион омертвления капитала!..
- Чуть это, неверно!.. Кто тебе сказал, не в плановом-ли отделе?

— А недостройка домов?.. А кирпича сколько два года стоит под снегом и дождем?

— Вина не наша!.. Денег не дают на достройку!.. Из этого такие выводы делать нельзя!..

— Значит, по твоему, одна причина: денег не дают?

— Да, главная.

— А положение со сбором паев, квартплаты?

— За это вот взгреть надо!.. Наша вина, не перестроились...

Острый спросил тихо:

— Ну, а скажи, товарищ Зимин, есть ли вредительство?

— Никакого!..

— А четырехсотквартирный дом?

— Думать только можно... Но если в этом кто и виноват, то не Жилсоюз!.. Проект в Москве делали...

После этого Зимин заметно стал торопиться: смотрит на часы, потрагивает свой портфель. А Острый задержал еще на вопрос:

— Плановики говорят: „пятилетка Жилсоюза не выполняема“.

— Да, знаешь, как урезали средства? — и Зимин встал со словами: — Я уйду!..

Острым были сделаны новые выводы. Старые ему казались действительно жалкими, он не нашел их достойными и для архива, разорвал.

— Ты поторопи их напечатать!.. — была его просьба к Ковачу.

11.

Опрос Зорского

У открытого окна в комнате № 8 сидел Брагин, кончая опрос Зорского, вызванного по делу чистки из Москвы. В это время вошел Острый.

Зорский, работая в Промвоенсоюзе, был когда-то арестован за взятки с какого-то подрядчика, за что был выслан из Москвы с запрещением проживать в шести больших городах.

Но объявленной амнистией в честь 10 Октябрьской годовщины он был восстановлен в правах. Работал с Зиминным, как зав. плановым отделом, над пятилеткой Жилсоюза. Это обстоятельство и заставило Брагина вызвать его из Москвы.

Беседу Брагина с Зорским Острый застал на самом остром вопросе:

— А почему вы были арестованы вторично? — спрашивал Брагин Зорского.

— Я вам уже все рассказал, — неохотно говорил Зорский: — Я оправдан... Зачем надо вспоминать единственное темное пятно моей жизни.

— Павел Андреевич, необходимость иногда заставляет повторять прошлое.

Брагин посмотрел на него испытующе.

Зорский нервно начал рыться в своем портфеле и вынимать оттуда документы для подтверждения своих показаний.

— У меня к вам последний вопрос, — продолжал Брагин: — Скажите о пятилетке Жилсоюза — вы являетесь ее автором — выполняема ли она?

— Невыполнима, — ответил Зорский не сразу, но спокойно.

— Почему?

— Я постараюсь об этом дать письменное сообщение.

— Хорошо. Вы, надеюсь, это сделаете сегодня же и передадите в комиссию?

— Да, да...

Просмотрев оправдательные документы Зорского, Брагин сделал из них несколько выписок и с некоторых предложил Ковачу снять копии.

— На этом, покуда, закончим нашу беседу!.. А на персональную чистку мы вас вызовем письмом.

— Мне бы хотелось задать один вопрос... — неожиданно заявил Острый.

— Пожалуйста! — и Зорский настрожился.

— Вы являлись руководителем по составлению пятилетнего плана Жилсоюза. Почему нет в нем ничего по подготовке кадров?

Глаза Зорского под очками показались Острому в этот раз особенно пытливыми, упорными.

Он начал отвечать:

— Эта пятилетка охватывает собой показатели, составленные в первую очередь... Только в мае прошлого года впервые были получены директивы об организации кадров...

— Хорошо. Но ведь до сих пор по кадрам нет никакой цифры в Жилсоюзе!.. — Острый это произнес с довольно заметной иронией.

Зорский только пожал плечами.

— Ну, все? — сорвалось у Брагина.

— Покуда да, — ответил Острый.

Когда Зорский вышел из комнаты, Острый подумал: „Вредитель он...“

— Ну, мне пора!.. — заторопился Брагин.

— А ловко отвечает!.. — засмеялся Ковач.

— Ну, еще бы!.. — и, подумав немного, Брагин добавил, обращаясь к Ковачу: — Ты поспеши снять копии с его документов...

Дверь громко хлопнула, Брагин ушел.

У Егорушки заботы о делах комиссии „кот заплакал“

Во дворе при „корабле“ две старые березы шелестели первой зеленью. Двор, изрытый ямами, с кучами битого кирпича и булыжника, казался не таким убогим, когда пестрел цветными платьями детвора. Острый посмотрел в окно на детвору из комнаты № 8 и вошел в противоположную комнату, к Мирончику. Сюда в открытое окно доносился шум из очереди за брюками. И вдруг очередь смолкла.

По асфальтированному шоссе стройно проходили колонны: депутаты горсовета, за ними ударники с фабрик, студенты, просвещенцы, медики... Солнце словно торжествовало, освещая ярко тысячи людей в колоннах, сверкали трубы оркестров, неслись звуки маршей, песни... Эта живая картина казалась особенно радостной: массы шли на штурм торфоразработок.

Плакаты призывали:

2 400 000 тонн торфа

Взять разгон для штурма!

И разгон был взят.

— Куда это какая прорва собралась? — показала рукой женщина в поддевке, из очереди.

— Все на счет прорывов!.. Хи-хи-хи, — ответил человек в лаковых сапогах, шупленький, маленький, с брюками на руках, направляясь на толкучку.

Вошел Ковач и прямо к телефону. Взял трубку.

— 8-29... Да... Брагина мне!.. А... Как нет? Он чистит Жилсоюз... Не Салов, а Брагин!.. Что же, разве две фамилии у него?.. Скажите, ждут...

Кончив говорить, он пошел с Острым в комнату № 8, проворчав:

— Одиннадцатый час, а все еще не пришел!..

В этот момент явился Брагин и на ходу спросил:

— Ну, как дела?..

— А я сейчас вызывал тебя, сказали нет... — начал Ковач: — Распорядись, бумаги наши не печатают!..

— Почему?.. — загремел Брагин, бросая портфель на стол.

— Вот разберись.. Хоть кол на голове теши!..

— Позови Егорушку... — заговорил Брагин спокойнее, но в тоне приказа.

Появился секретарь правления.

— Курочкин, ты что!.. И тебя на чистку не поставить ли?

— Чего?

— Чего, чего!.. Почему не переписали наши бумаги?

— У нас не одни ваши дела...

— Как так!.. — повысил Брагин голос: — Ты член партии, должен знать... В первую очередь надо приготовить для комиссии по чистке!

— Протоколы бригад, характеристики на сотрудников, — прибавил Ковач.

— Давно готовы, только не подписаны, — начал оправдываться Егорушка.

— Позови Красикова, — потребовал Брагин, кивнув Ковачу.

В комнате наступила тишина. Вошел Красиков. Брагин встретил его шутливо:

— Вот, полпред, ты член комиссии, помоги нам...

— В чем дело? — протенорил тот, улыбаясь.

— Дела наши не переписываются, а у Егорушки заботы „кот наплакал“... Характеристики писали месяц, а о другом и думать не хотят!..

— Они у меня в делах лежат, забываю все подписать... А если что другое... — оборотился он к Курочкину, — то надо одну из машинисток заставить печатать вне очереди!..

Красиков быстро вышел из комнаты и тут же вернулся с характеристиками.

Смотрит он, как Брагин начал подчеркивать некоторые места в них красным карандашом, жирно. А потом спросил, улыбаясь:

— Это как понимать? „Аккуратный и хороший работник, но в работе все-таки медлителен. Объяснить это, пожалуй, можно признаком лени. Отношение к работе удовлетворительное, к сотрудникам — товарищеское.“ И это пишет отделом. А вот и добавление № 2: „Отъявленный лентяй, надо бы сменить, но нечем заменить“. Это уж более смешно, чем грустно, — и Брагин рассмеялся.

— Ну что же, так написалось... Мне не пришлось их просмотреть, — процедил Красиков.

— Да... с такой оценкой можно в журнал „Крокодил“ попасть! И их тут не одна...

Не дожидаясь дальнейших расспросов, Красиков вдруг вышел из комнаты.

13.

Пропали выводы Острога

Кончался рабочий день в Жилсоюзе. В комнате Мирончика было пусто, только белела на полу набросанная за день бумага. Сам он заговорился с Добрыниным в орготделе. В комнату вошла торопливо машинистка с отпечатанными выводами Острога. Она постояла минуты две у стола, не дожидаясь Мирончика, положила выводы на край стола и ушла. Буйный ветер отворил вдруг чуть притворенное окно и выводы, отпечатанные на нежных листах бумаги, разметал по комнате. Мирончик все беседовал с Добрыниным, а после машинистки вошла в комнату Маша с щеткой, корзинкой и тряпкой в руках. Она поступила работать в Жилсоюз из деревни, не больше недели. Подмела Маша к двери всю бумагу, набросанную за день, конечно и выводы Острога. Собрав в корзинку бумагу, она отнесла ее к лестнице, куда сметали сор из всех комнат Жилсоюза. Потом большую кучу бумаги у лестницы собрали в более объемистую корзину и выбросили из нее в мусорный ящик, который неприятным пятном бросался в глаза каждому, кто подходил к подъезду Жилсоюза.

Следующий день выдался беспокойный.

Когда Острый вошел в комнату комиссии, его Ковач встретил шопотом:

— Выводы твои исчезли...

— Как так? — удивился Острый.

— Мирончика не было... Машинистка их оставила на столе и со стола пропали...

— Не взял ли кто из любопытства?..

— Спрашивали... Все отказываются.

— А Егорушка что говорит?

— Не работал он вчера... С него и нечего спрашивать, — уходя из комнаты, ответил Ковач.

Острый задумался, ушел весь в догадки: „Взяли неспроста, захотели узнать, как на правление смотрят... Кто бы это?..“ — мелькнула мысль.

Вошли Ковач и Мурашкин.

— Брагину звонил, придет сейчас!.. — сказал Ковач.

— Дела-а... — удивился Мурашкин.

Брагин как только вошел, бросил на ходу Ковачу:

— Позови Красикова!..

Он был взволнован. Взял папиросу—переломилась. Стал закуривать другую—спички не загорались, ломались, и всю коробку с ними он бросил в раздражении в угол.

Вошел Красиков, как всегда спокойный, без тени смущения.

— Чем объяснить пропажу выводов?—спросил его Брагин.

— Непонятное явление!.. — пожал плечами Красиков: — Не забрал ли кто-нибудь по ошибке со своими бумагами?..

— Я спрашивал. Ни у кого их нет, — поглядывая на Брагина, сказал Ковач.

— И что это у вас за работа в канцелярии!.. — начал Брагин: — Егорушку поставить надо на чистку. На него ни что другое не действует!.. Дали срок три дня исправить протоколы... И что же, две недели делает!.. Чгобы добиться, найти какую-нибудь важную бумагу в делах, — и сам черт не сыщет!..

— Канцелярия правда скверно у нас поставлена!.. — согласился Красиков.

— Пропали выводы!.. Ведь это что... И в такой политический момент? Растяпы... — строго проговорил Брагин.

— Ты машинистку хорошенько спроси, — обратился Красиков к Ковачу, как бы не замечая сказанного Брагиным. Лицо его чуть вспыхнуло.

— Чего спрашивать — плачет... Твердит одно: „Переписала и положила на стол Мирончику...“

— Пересмотреть все бумаги во всех отделах!..

— Неужели с выводами произошло что-нибудь худшее? К решению Брагина все прислушались.

Красиков вышел, а Брагин, подойдя к Мурашкину, сказал:

— Пиши.

— О чем писать?

— Пиши что буду диктовать!..

— А ты надо мной смеялся, что я пишу, как пьяный, каракули, — задумал было отказаться Мурашкин.

— Я тебе говорю пиши... не рассуждай!.. — настойчиво распорядился Брагин.

Мурашкин взял бумаги и начал писать;

„Товарищу Зимину и копию бюро ячейки. Несмотря на то, что секретарю правления Жилсоюза Егору Курочкину занесен комиссией по чистке выговор за халатное отношение к выполнению ее поручений, до сих пор им не даны трудовые списки на сотрудников, не исправлен протокол областного совещания райжилсоюзов“.

Брагин замолчал.

— Дальше, — спрашивает Мурашкин.

— Комиссия просит бюро ячейки обсудить вопрос о качестве работы Курочкина, — Брагин на минуту задумался и, шагая по комнате, продолжал: — Случай потери выводов комиссии говорит о недопустимом отношении к важным документам, а по сему комиссия требует от правления и просит бюро ячейки принять меры к розыску выводов и привлечь к ответственности Мирончика и Курочкина... В то же время правлению необходимо обратить внимание на отсутствие четкости в работе его аппарата.

— Все? — спросил Мурашкин.

— Нет, не все!... Подпись — председатель комиссии. Теперь напиши другое.

Брагин продиктовал письмо в Москву, в котором просил выслать к 12 июня Зорского, как представленного к персональной чистке по месту прошлой его работы в Жилсоюзе.

14.

Единоначалие в стройконторе

Проверка работы в Жилсоюзе продолжалась, а в стройконторе раскрывалась тяжелая картина работы. Зайчиков и Ласкин столкнулись как два начальника. Первый — дает приказы и, быстро отменяя их, пишет новые. Второй — то упорно не выполняет приказы, то как будто проводит их в жизнь, а дело как улитка двигается. И если вы будете искать, кто виноват из них, почему дело не делается, то причины этому не скоро установите. Главный инженер на стороне говорит: „Приказы мешают... свободы нет... руки связаны...“

Бригадир Климов, достигший знаний технорука упорной учебой и трудом, проверяя работу стройконторы, которая ему была хорошо известна, как сотруднику Жилсоюза, писал Брагину в выводах:

„Правление не уделяет внимания стройконторе. Она существует почти год, но не видно, есть она в Жилсоюзе или нет.

Нужно бы иметь ей свой плановый отдел, так как планы Поручикова не удовлетворяют стройконтору. Не имеет права она распоряжаться материалами для снабжения построек, а поэтому и не может влиять на удешевление строительства. Сезон строительный начался, а Жилстрой не имеет ни материалов для стройки, ни спецодежды и, что печально, не знает, где и что будет строиться. Проектное бюро топчется на месте, проекты переделывает по несколько раз. Вот пример и самый яркий: проект на постройку „дома-коллектива“. Обсуждали этот проект и рабочие на фабриках, утвердил облпрофсовет и горсовет, но что сделали с ним? Положили под сукно и разрабатывают новый проект. Изъяли внутри этого дома культочаги. По новому проекту они будут строиться, но отдельно. Значит, опять начинай споры...

К вашему сведению, товарищ Брагин, — Ласкин пишет свои резолюции и дает такие распоряжения, что прикидывай и мекай сам, как дело делать...“

Кроме выводов Климова, поступило в комиссию заявление от Сомова, старого по стажу технорука:

„Прошу комиссию по чистке помочь мне получить расчет в стройконторе или повлиять, чтоб дали работу. Хожу и бью баклуши! Ни в чем не используют... Требую работы — ответа нет...“

В комиссию по чистке дал и Поручиков свое мнение, написанное пространно, о недостатках работы Жилсоюза и целый ряд предложений по улучшению работы. В конце он предлагал следующее:

„Я считаю, что плановый отдел должен возглавлять коммунист. С моей стороны рекомендую как лучшего на этот пост и подающего большие надежды в овладении плановой работой т. Примиренцева.“

Острый, читая такой совет, загадочно улыбнулся, подумав: „заботится...“

Шубин, Поручиков и Антон, сторож, проходят персональную чистку

В красном уголке поселка „Красный Октябрь“ в длинном, но очень узеньком зале подвального помещения на сцене был приготовлен стол для комиссии по чистке. Ковач постарался широко оповестить, кто будет сегодня проходить чистку. В зале собрания стульев пустых уже нет, и в коридоре шумливо.

— Брагин доволен будет, на все сто процентов... — шепчет Ковач Мурашкину.

Брагина еще нет в зале. Он, когда пришел в комнату №8, наказывал членам комиссии: „Вы идите, а я подготавлиюсь... Как соберется публика, скажите...“

— Не сходить ли за ним? — спрашивает Ковач.

— Идет, — предупредил Острый.

В зал вошел Брагин. Он, торопясь, протискался узеньким проходом к сцене.

Все члены комиссии за столом, Курочкину Егору поручено вести протокол.

Брагин постучал карандашом о стакан, и зал затих.

— Товарищи! Приступим к делу... — и после краткого слова о значении чистки, начал: — Представленными сегодня к персональной чистке являются: Шубин, агент лесного отдела, лишенец; Поручиков, зав. плановым отделом, бывший офицер армии Колчака, и Березин Антон Павлович, сторож... Он поставлен комиссией на персональную чистку за пьянство во время работы.

Распахнув ворот белой косоворотки, он сказал:

— Гражданин Шубин, расскажите коротенько свою биографию.

На сцену вышел человек в сером костюме, с глазами виноватого, то и дело теребивший пуговицу пиджака.

— Говорить, как ораторы, я не горазд!.. Не занимался этим... — сказал Шубин.

— Ничего, как умеете!..

— Хорошо, я коротенько... Отец мой был рабочий и пьяница. Я работал на фабрике...

— Год вашего рождения?.. — прервал его Брагин.

— Вот если мешать будете, то совсем смущаюсь!.. В девяностом родился!.. Когда стало голодно, в девятнадцатом я с фабрики ушел в ряды армии. Потом добровольцем на фронт... Заболел там, в госпитале лежал... Поправившись здоровьем, решил перейти в другой полк, думал, что кормят там получше... В перестрелке меня легонько ранили... В это же время я заболел еще бугорчаткой... Из армии освободили. Приехал домой, страхкасса стала мне, как инвалиду, платить... А велика ли инвалидная пенсия марками ее еще тогда давали... Я решил торговать фруктами...

— Почему торговать, а не работать? — перебил Брагин.

— Торговать тогда стало считаться делом не позорным. Новая экономическая политика... Знаете лозунг-то Ленина: „Учитесь торговать!..“

Лозунг Шубиным был произнесен с особым достоинством, оборотясь к Брагину.

— Ну хорошо, хорошо!.. — успокоил его Брагин, едва сдерживая свою улыбку.

— Выправил я патент на торговлю, — продолжал Шубин: — Человек, как говорится, должен стремиться для блага народа, но и себя не забывать! Торговал я три года.

— Какой оборот имели? — вмешался в его рассказ голос из публики.

— Тысяч восемнадцать... Когда же меня пришилили? лишенцем сделали, тут я... — он замялся немного и продолжал: — Ну лавочку-то и прикрыл!.. Да и дела пошли неважно!..

— Когда вас лишили избирательных прав?

— Дело это получилось вот как!.. Вы все мешаете мне... Спутался... Да, лишили в апреле тридцатого года... Потом горсовет восстановил, когда показал я документы — красноармеец... Но не надолго, опять лишили. Торговцы, мясники, должно быть по зависти, что я восстановлен, а они нет, взяли да и подали на меня заявление прокурору...

— Почему ты скрыл, что лишенец, когда поступал работать в Жилсоюз? — вмешался Ковач.

— Товарищ председатель, я прошу не мешать... Не сбивать меня с речи... Не в моих интересах было признаваться, что я лишенец... Как говорится, не обманешь, не проживешь...

— Вы хлопчете о восстановлении?

— А как же!.. Я расскажу вам об этом.

— Вы не ко мне, а к собранию обращайтесь, — заметил Брагин.

— Хорошо. Ходил я к прокурору. Это было еще до чистки Жилсоюза. Вошел в кабинет к нему, гляжу — сидит баба. Ну, думаю, что баба может сделать.. Не стал с ней говорить, ушел. Был у самого, но и он отказал. Смотрю, чистка началась и меня взяли на учет.. Покатил в Москву, во ВЦИК. Вот извольте! — он подал Брагину бумажку: — Скоро придет официальная... — и стал выжидать, что скажут.

Брагин прочел бумажку и оставил ее на столе.

Шубин с торжественным лицом продолжал:

— Народу у Кутузова было много. Нам с одним тут товарищем посчастливилось, — принял!.. Объяснил я ему все мои дела и документик красноармейца показал. Он тут же приказал меня восстановить. Вот и все.

— Вопросы есть? — спросил Брагин.

— Кем вы поступили в Жилсоюз?

— Биржа послала, сторожем.

— А кто вас перевел в агенты лесного отдела?

— Приказом. За усердие в работе должно быть выдвинули!

— Почему вы не член профсоюза? — спросил Ковач.

— Не думал об этом.

Выступали многие. Рассказывали: „Шубин торговал яблоками еще до революции“. „В Красной армии был — искал где кормят лучше... шкурник“. Говорили и так: „Вот вам факт, какое классовое чутье у правления... Кого оно набирает в аппарат“... Взял слово Телегин.

— Товарищи, что такое торгош? Вот перед вами Шубин, как он понял учение Ленина — учитесь торговать? Да что о нем говорить!... Гнать Шубиных... одно дело... один выход!..

Катя Хлопкова, сверкая гневно цыганскими глазами, бросила коротко:

— А что он сказал о женщине? Баба, что она может сделать!.. Весь умишко Шубина проплесневел в торговле!..

Брагин спокойно, не повышая голоса, решив с Шубиным покончить, сказал:

— Шубин, выступая с биографией, показал все свое нутро. Комиссия все учтет... Следующий Поручиков.

С жестами и пафосом Поручиков рассказал свою биографию. Острый ее усердно записывал.

— Я знаю, вы будете подходить ко мне особо строго.. Я был шесть месяцев в армии Колчака... Вот что и застав

ляет меня со всей искренностью осветить этот отрезок моей жизни, который ложится большим темным пятном на меня. Пролетарская общественность должна знать, каков из себя приказчик рабочего класса Поручиков!.. Надежный ли он работник в движении социалистической машины? — так начал свою биографию Поручиков.

Оказалось, что отец у него был торговый приказчик. Умер, когда Поручикову было шестнадцать лет. Мать, как говорил он, была типичная мешанка. У Поручикова точно была обида на мать, когда он подчеркнул, что на примере его жизни хорошо проследить и понять не теоретически, а фактически всю глубину, все величие ленинского анализа классовых взаимоотношений!..

—Мое мелкобуржуазное происхождение несомненно повлияло на то, что я на эту сторону баррикад пришел не с первых дней революции!..

Так он пояснил свое отношение к советской власти. Поручиков, имея среднее образование, работал у частных фирм в Одессе. В девятом году поступил в военное училище, вольноопределяющимся.

Началась война. Поручиков на фронте — подпоручик, попадает в плен в Австрию. Там он моет на пивном заводе бутылки и все свободное время отдает изучению языков английского, немецкого, французского.

Февральская революция застает Поручикова в плену. Он об ней сказал собранию: „Я думал — она есть то, что нужно для народа. Но когда я узнал, читая немецкие газеты, что Керенский продолжает войну я интуитивно почувствовал: не это нужно!.. Надо немедленно прекратить войну, а это ведь была первая основа и большевиков...“

В конце восемнадцатого года Поручиков возвращается в Россию, в Одессу. В Одессе он должен был встретиться со своей невестой. „Вот та причина личного, а не политического характера — мой приезд на юг!..“ Так он объяснял свой приезд к белым, в Одессу.

В Одессе он задерживался из-за образования белых фронтов. Пробраться через них было невозможно. Но ему не дает покоя мечта посмотреть, что такое страна Востока, и хочется ему получить практику, поговорить по-английски. Поручиков думает: „Можно быть вне политики, можно выбраться к себе на родину под маркой сибиряка“. И все это заставляет его в начале двадцатого года бежать из Одессы. Но дня через три он убеждается: „Быть вне политики нельзя“. Он рассказал и о том, как в Салониках, при высадке с парохода, всех русских переписывают агенты

из армии Деникина. С каким большим трудом устраивается он на угольном транспорте и уезжает в Африку. А там, как говорится, „хрен редьки не слаще“. Англичане забирают всех русских в каирский концентрационный лагерь. Англичане делают попытку создать особый полк, куда входят двести офицеров и две тысячи солдат. Беглецы против этого, и наконец им разрешают выехать в Сибирь.

Поручиков прибывает во Владивосток. О своем пребывании во Владивостоке он рассказывает так:

— До июля я всячески укрывался, но был все-таки мобилизован в колчаковскую армию!.. Нельзя было скрыться, грозили репрессии, и кроме этого я думал: „Можно быть формально в армии, а на деле скорее вредить“... Что я и делал!

Что это было так, он предложил познакомиться с его документами, их он передал Брагину.

Из армии Колчака Поручиков увольняется, как несоответствующий своему назначению, и снова направляется во Владивосток к воинскому начальнику. Ждал там нового назначения, а когда он получил повестку явиться, то тут же скрылся, и начал менять свое местожительство.

В феврале двадцатого года Владивосток берут красные партизаны. Поручиков вступает в ряды Красной армии. Об этом моменте он говорил с особенным пафосом:

— Товарищи, ведь если бы я на самом деле хотел быть по ту сторону баррикад, то я уехал бы из Владивостока вместе с белыми, под защитой японцев. Но я этого не хотел и не мог сделать!... Меня расценивали белые как подозрительного типа!..

В Красной армии Поручиков становится начальником школы комсостава и в то же время главой гарнизона Русского Острова. Он рассказал воодушевленно, какое время пережил, когда японцы сделали наступление на казармы красных партизан во Владивостоке.

По поводу обвинения комиссии, что Поручиков неумело возглавлял руководство плановой работой, он заявил, понижая голос:

— Если есть хотя маленькое политическое недоверие ко мне, то снимите меня с этой должности, дайте работу по специальности.

И как-то сразу исчезла у него напыщенность, когда он посмотрел не на собрание, а на Брагина, и заявил глухо:

— Вам всем, читающим газеты, видно, что вредительство происходит по линии плановой работы, но у нас его нет...

Внимание зала напрягалось, все ждали, что скажут против Поручикова.

Аглая Леопольдовна что-то спросила соседа и, получив ответ, качнула головой.

Начались вопросы. Кто-то сзади громко спросил:

— Почему бежал не в Красную армию, а к белым?

— Нехватило мужества... — ответил Поручиков.

Из передних рядов встал водопроводчик Орлов, сутуловатый, с слезящимися глазами, и задал такой вопрос:

— Ты вот сказал: „Бежал от белых на Восток, хотелось попрактиковаться, по-английски поговорить...“ А не послали ли тебя белые к белым выполнять их дело?

Собрание зашумело.

— Тихе, товарищи, — и Брагин сделал мягкий жест к Поручикову.

— Думать можете... Я сказал почему!.. — сорвалось у него, словно поперхнулся чем в это время.

— Мне слово!.. — поднял руку Телегин и вышел вперед. Это заявление вызвало несколько голосов одобрения.

— Надо!.. — улыбнулся Телегин.

Он подошел к авансцене, глаза его суровы, голова блестит сединой, в руке клюшка. Смело понеслось его слово по длинному, узкому залу:

— Я все сомневаюсь... Если психология мещанина искала пути стать офицером, то эта психология работала и дальше, после Февральской революции... Мы знаем, как наши враги в то время хорошо помнили слова Рябушинского, капиталиста: „Костлявая рука голода задушит пролетарскую революцию...“ И когда Поручиков говорит: „с восторгом встретил Февральскую революцию“, почему он не ринулся в бой против Керенского? Ответ может быть только один: не по нутру ему пришлась Октябрьская революция!.. — помолчав немного, Телегин добавил с жестким смешком: — И как можно поверить, что такой образованный человек мог быть вне политики?..

Он отошел к своему месту возбужденный и встал. Кажалось, он хотел что-то еще сказать, но, махнув рукой, сел на стул.

И было высказано просто, но жестко мнение одним рабочим.

— Дай-ко я скажу!.. — раздался грубоватый и с хриплой голос, не похожий на других. Поручиков оглянулся на голос. Нервно заговорил Потапов, сноваль с Дзержинки, с простоватым лицом, слабый в ораторском искусстве.

— Нельзя верить Поручикову!.. — и помолчав, словно

стараясь кого-то найти в зале, продолжал: — Он свою шкуру спасал, когда приехал в Одессу, а потом дал тягу в Африку!.. — и более резко нажал на фразе:

— Это был волк в овечьей шкуре!..

— Гнать таких нужно!.. прокричал Телегин, опираясь руками в свою клюшку, одобрительно кивнув Потапову головой.

Встал Острый с документами в руках, всматриваясь в них.

— Каково было планирование — вот факты, — Острый потряс документами. — По кадрам никаких установок и цифр. Культурные очаги для домов-гигантов не планировались. Да и промфинпланы разработаны на-глазок. Участия масс не было. Все это сделано потихоньку, по-чиновничьи. Здесь, товарищи, вредительство налицо. Это подтверждают документы... Хотя никто из строителей и плановиков Жилсоюза почему-то не говорит откровенно о вредительстве в постройке четырехсотквартирного дома. А у Поручикова здесь видна определенная линия...

— Будете заключать? — спросил Брагин Поручикова, когда закончились выступления.

— Да, скажу...

Глаза у Поручикова были тяжелые, невидящие.

Неверным шагом подошел к авансцене. Стараясь оправдаться, он, торопясь, заговорил:

— В планах со всеми недостатками согласен... Линия была, но не так меня поняли и напрасно меня упрекали здесь в неискренности. Свою преданность работе я докажу...

Когда Поручиков смутно высказался и прошел на свое место, окликнули Антона Павловича Березина, сторожа Жилсоюза. Сторож поднялся как-то нехотя. Он и сегодня, как на работе: в постоянной зеленой рубашке, подпоясанной белым пояском.

— Антон Павлович, что ты скажешь о себе? — обратился к нему Брагин с добродушной улыбкой.

— Говорить-то нечего!.. Не отрицаю, выпивал. Увидали выпивши и в служебное время... Но у меня свободного времени на это нет! Я не знаю, сколько полагается мне работать. Спать-то некогда.

— Велика ли у тебя семья?

— Восемь голов.

— Есть хозяйство?

— Есть: корова, лошадь и домишко.

— Индивидуальный налог платишь?

— Нет.

- Что тебя заставило вступить в партию?
— Никакой карьеры себе не пробивал. А просто потянуло что-то...
— Что же тебя потянуло?
— Как тебе сказать? По-новому жить захотелось!
— На кружок политграмоты ходишь?
— Хожу, што толку-то!
— Как так?
— Да так, — Антон махнул рукой.
— Не занимаются с тобой?
— Вот именно. Как не придешь, только и слышишь: не состоится!
— А за выпивку имеешь выговор? — спросил его Мурашкин.
— Имею, — признался Антон.
— Что, сердисься?
— А ты што? Сам бываешь пьяный, а спрашиваешь!..
Вопросов больше не было.
— Антон, ты обещаешь исправиться? — строго, но товарищески поставил ему последний вопрос Брагин.
— Конечно..
На этом закончилось первое собрание персональной чистки.

16.

Чистка продолжается

Бригады вносили все более оживление и изменение в работу Жилсоюза. Шаров, малоподвижный до чистки, организовал соревнование на подписку „Третьего решающего“, что заставило Кронштадтского исправить свой общественный недостаток: он добавил к пятидесяти рублям еще полтора-ста, и подписка вышла на месячное жалованье. По мобилизации средств перестали сыпаться на места циркуляры. Жилкооперативы один за другим начали соревнование по сбору паев и квартплаты, а в домах-гигантах — подъезд с подъездом. В „корабле“ жильцы обсуждали, как создать свое домоуправление.

По вечерам, в пятидневку раз, в красном уголке „корабля“ стало многолюдно. Это наблюдалось раньше только на сеансе кино-картины, а тут приходили слушать, как идет персональная чистка.

У подъезда густела толпа. Читали крупно написанное извещение:

„Проходят чистку: Точилкин, Зорский, Пшеничный, Алешин...“

И торопливо входили в подъезд, направляясь в красный уголок.

Брагин открыл собрание и предложил:

— Гражданин Точилкин, ваше первое слово...

Низенький, с перстеньком на пальце, в щелочках трусливо бегают глаза, Точилкин, кассир склада № 5, только и сказал:

— Отец у меня торговал... Сам я давно прикрыл торговлю... Братья работают в учреждениях...

Молчит. Мнет белую фуражку в руках, поправляет на ней желтенький ремешок.

— Сколько лет торговали до революции? — спросил Брагин.

— Двадцать.

— Какой оборот имели?

— Да так, тысяч семьдесят...

— У кого есть вопросы? — обратился Брагин к собранию.

— В профсоюзе состоите ли? — спросила попросту жен-делегатка из „корабля“.

— Нет.

— Почему? — сорвалось сурово у Брагина.

— Не проявил себя еще активно... Не пытался вступать.

Брагин задал новый вопрос:

— Вы до революции имели деревянные бараки и сдавали их в аренду для казарм солдат?

Точилкин только посмотрел в сторону и ни слова в ответ.

В зале тишина, вопросов нет.

— Ну, кто желает поговорить? — предложил Брагин.

Вавилов, слесарь из комхозовских бань, вышел вперед не торопясь, поглаживая седые усы.

— Можете сесть теперь, — заметил Брагин продолжавшему стоять у авансены Точилкину.

— Дорогие товарищи! — начал Вавилов: — Торговлю „Точилкин и сыновья“, наверное, не я один здесь помню. Ну, чего тут стесняться... Говорил бы прямо: „Торговали до революции тысяч на двести...“ Ведь у вас были магазины, — Вавилов начал считать, пригибая пальцы к ладони, — бакалейный, мясо-рыбный, мучной лабаз, ренсковый погреб...

Собрание загудело.

— Тише! — попросил Брагин, постучав карандашом о графин с водой.

Вавилов погладил спокойно усы и кончил:

— Насчет вот казарм для солдат!.. Тоже все старики должны знать... Как бывало забастовка на фабриках, так и солдат привезут в деревянные бараки Точилкина...

В зале шум усиливался.

— Кто еще хочет сказать?.. — призывает Брагин.

— Будет!.. Все понятно!.. — раздались голоса.

Зорский, вызванный из Москвы, сидел впереди. Он был невозмутим, и как бы уделял все внимание не проверке Точилкина, а своим розовым ногтям, осматривая их пристально. В биографии, поданной им в комиссию перед проверкой его, Зорский написал такое покаяние:

„... Я своей последней работой старался выпрямить допущенное мной искривление моего жизненного пути и сейчас работаю с энтузиазмом и преданностью делу.

Я не раз задавал себе вопрос: могу ли я, имевший в прошлом административную кару, быть в рядах советского аппарата, и пришел к такому выводу: моя ошибка была результатом нездоровой обстановки, которая окутывала не одну организацию в период нэпа.

Советское правосудие не считает самоцелью наказания преследует исправление правонарушителей.

Предлагая все вышеизложенное вашему вниманию, прошу разрешить мне работать на пользу строительству социализма. Дымка недоверия ко мне должна быть рассеяна и тем самым с меня должна быть снята тяжесть моих прошлых ошибок...“

Когда Брагин предоставил слово Зорскому, он рассказал свою биографию, как и написал ее, но говорил научным языком, длинно, тягуче, его биография казалась докучной лекцией.

Перед проверкой Зорского Острый прочитал в „Правде“ статью „Кредитная реформа в освещении вредителей“. Он и спросил Зорского первый:

— Не отразилась ли эта теория вредителей: „Вместо хозрасчета — плану внимание“ в работе Центрожилсоюза.

— Не замечал, — Зорский ответил холодным, ледяным тоном.

У Острого мелькнула мысль: „Нет, ты еще загадка...“

Сказать о Зорском решил Примиренцев. Все его слово дышало уважением к нему, как к хорошему человеку, и как под руководством Зорского можно было много научиться, как планировать.

После Примиренцева перед собранием появилась длинная, сухая фигура Климова. Все насторожились, но он только поставил вопросы:

— Не скажет ли нам Зорский, почему, составляя пятилетний план Жилсоюза, у него выпали кадры? Не планировались культчаги? Почему пятилетка Жилсоюза невыполнима?

В зале тишина. Желающих выступить как будто нет. Брагин обратился к Зорскому:

— Прошу ответить.

Зорский встал со стула нервно. Глаза у него под блеском очков особенно заворочались. Ответил он тихо, спокойно:

— Я уже отвечал на такие вопросы комиссии по чистке. Директива по кадрам была получена почти накануне моего ухода из Жилсоюза... Культчаги не планировались потому, что ставка была больше дать жилплощади, квартир... Пятилетка Жилсоюза невыполнима вот почему: льняная промышленность, например, предлагала вложить в реконструкцию своих предприятий на этот год четырнадцать миллионов рублей, а до сих пор ничего не сделано... Жилищное хозяйство, вы знаете, обслуживает интересы промышленности и, конечно, сокращение вложения капиталов в нее тянет за собой сокращение и жилищного строительства.

В собрании раздался легкий шум. Брагин перешел к другому персонажу чистки.

— Гражданин Пшеничный...

К авансцене подошел рыжеватый человек, с лохматыми бровями и угреватым лицом. Это был Пшеничный. Он был вызван на чистку как бывший зав. отделом снабжения Жилсоюза, судившийся уже за прорыв в снабжении построек материалами. Как не кричали ему: „Громче, громче...“, он на это не обращал внимания или не мог говорить громко. Он продолжал рассказывать о себе почти шопотом. Почему он не вступил в ряды Красной армии, пояснил так:

— Как начальник командной связи у Колчака я проверял телеграфную сеть. На своем пути я видел трупы. Спрашивал жителей: „Кто убитые?“ Мне отвечали: „Красные офицеров расстреляли...“ Это и пугало меня вступить в ряды Красной армии.

— Работая в Жилсоюзе, вы сделали прорыв в снабжении... Чем это объясните?.. — спросил Брагин.

— Принцип проводил... Хоть по немногу всем, кому гвоздь, кому известки...

Елочкина, член бригады по проверке отдела снабжения, низенькая женщина, взяла слово.

— Говорить-то я не горазда, но скажу сегодня!... — предупредила она, снимая пушинку ткацкой с синего платья. — Проверяли мы магазин Жилсоюза... В одном лежат полтора года белила на две с половиной тысячи рублей, а Пшеничный писал резолюции: „Нет белил“. В другом магазине имеются давно залежи пило-ножовок, пятьсот крестьянских кос, примусных иглонок полмиллиона штук.. Товарищи, а мы в жактах с примусами, их ищем!.. Платим спекулянту дороготню за эту иголку. Теперь такое дело!.. Жилсоюз купил шестнадцать гвоздильных станков и хотел направить их на свой деревообделочный завод. Решил он устроить в нем гвоздильный цех... Гвозди, значит, свои будут.. Не плохое это дело! Но что получилось? Купленные станки лежали всю зиму во дворе Жилсоюза под снегом. Правление вспомнило о них только весной этого года, обсуждая пуск завода. Вот и постановило оно „найти виновников задержки отправки станков“... Велело наложить взыскание на них... Поручило сделать это Яшину, новому заму отдела снабжения, в месячный срок. Искали, искали мы в протоколах, кого нашли виновником, на кого взыскание наложено... Так и не нашли. Оказалось, виновником был сам Яшин, а ему поручило правление найти виновников...

Алешин образование имел четыре класса реального училища, он до революции готовился продолжать дела отца: комиссионерствовать от какой-то чайной фирмы. Во время гражданской войны работал в губпродкоме.

Маленькая фигура Алешина встала перед собранием. Когда он рисовал свою биографию, то почему-то все глядел вверх, лицо его казалось капризным. Рассказал он усердно, как работал в первом правлении поселка, а уход свой в Жилсоюз пояснил: „Устал, хлопотливо... Хотелось поспокойнее получить работу“... О своей симпатии к артели „Случайность“, выдуманной Веточкиным для получения лично для себя двух бочек цемента, он только и сказал, пожав плечами, покусывая губы:

— Если бы знал, что такая мелочь наделает столько шума, то счет Веточкину не разрешил бы писать.

Брагин спросил;

— Считаете ли вы себя на месте секретаря Жилстроя знающим это дело?

Алешин посмотрел самонадеянно на комиссию, потом на

публику и, насколько он хорош и знающ как секретарь Жилстроя, ответил:

— Каменный дом с деревянным не смешаю!..

Тяжелой поступью вышел вперед Телегин, а когда поглядел на Алешина, сядившегося впереди на стул, казалось, сказать хочет Телегин что-то веское.

Положив нога на ногу, Алешин поглядывал на Телегина исподлобья.

— Вы слышали, товарищи, как Алешин рассказал о себе? — начал Телегин: — Похоже, нету него в прошлой работе ни сучка, ни задиринок!.. Что происходило, когда строился первый дом-гигант поселка? Не мало печального!.. Ну, какой это секретарь правления, когда за милую дружбу, зная прекрасно, что никакой артели „Случайность“ не существует, а как бы для оформления дела, подписал с бухгалтером Примиренцевым счет к этой артели за две бочки цемента. А этот цемент дозарезу нужен был Веточкину.. Алешин по дружбе устроил и продажу дома Веточкину. За бесценок он купил назначенный к слову особняк приличный!.. А сколько из поселка без всяких счетов уплывало краски, железа?.. — помолчав немного, Телегин добавил с жестким смешком: — „Не смешаю каменный дом с деревянным!..“ Как доказывает свою специальность!.. Нет, убежал Алешин в Жилсоюз, чтоб подалее от наделанных пакостей и в тепленькое местечко... Окладец-то двести рубликов!..

Старческие дряблые щеки у Телегина дрожали, глаза блестели сурово. Махнув рукой на Алешина, он пошел к своему месту, бросив в собрание тихо:

— Не мало их в аппаратах...

Вавилов рассказал, как по милости Алешина получили квартиры в поселке бывшие торговцы и все, кому не следует, вне очереди, как просьбы жильцов сделать ремонт поскорее плохо принимал Алешин.

Белкина, делегатка из „корабля“, сказала как-то отрывисто, с раздражением:

— Ну-ко!.. Назвал меня проституткой и только за то, что приходилось до позднего вечера засиживаться в красном уголке по делам культработы!..

Алешин то и дело вскакивал со стула и, обращаясь к Брагину, замечал:

— Эго неправда!.. Я объясню!

Кончились выступленья, он заявил:

— Заключительного слова мне не надо. В комиссию по чистке я дам письменное объяснение, с чем я не согласен...

Закрывая предпоследнее собрание по персональной чистке, Брагин сказал:

— Товарищи, дело о Веточкине передано правлением в суд. Участие в нем Алешина на суде будет выяснено. Все что здесь говорили в отношении Алешина, комиссия учтет.

17.

Решения комиссии по чистке

Брезжил уже июньский рассвет, когда Острый шел с последнего собрания по чистке. В ушах звучали еще слова Брагина: „Шубина и Точилкина снять с работы без права поступления в советские учреждения и предприятия. Зорского считать проверенным... указать на преждевременность его работы в центральных органах... испытать на общественной работе...“

Это собрание было особенно многолюдно. Слушали Брагина настороженно.

Алешин сидел небрежно, отваливаясь к спинке стула. И не шелохнулся он, услышав решение о себе: „Снять с поста секретаря Жилстроя“...

Когда Брагин сказал фамилию „Поручиков“, тот встрепенулся и смотрел на него пристально, а когда Брагин произнес: „Снять с должности зава плановым отделом, оставить работать в аппарате по специальности — главбухом...“, — по пухлому лицу Поручикова скользнула улыбка и пропала. Он быстро вынул из кармана платок и начал сморкаться.

Решения комиссии были объявлены двадцати трем сотрудникам Жилсоюза, прошедшим персональную чистку. Брагин закончил чтение этих решений, его лицо сделалось более строгим, после некоторого молчания он подвел коротко и звучно итоги:

— Товарищи, чистка аппарата Жилсоюза закончилась. Она вскрыла ряд безобразнейших явлений. Прежде всего, аппарат засорен был чуждым элементом, работали в нем бывшие белогвардейцы: поручики, подпоручики, даже штабс-капитаны и бывшие крупные торговцы.

— Пятилетний план жилищного строительства, отпечатанный в брошюре, был не только в корне искаженным, но о нем не знали ни рабочие, члены Жилсоюза, ни даже многие работники Жилсоюза. В аппарате обезличка, трудно установить, кто в чем виноват... Проекты составлялись совершенно ненужные, переделывались по многу раз, на что убивалось много времени и средств. Затем Жилсоюз не занимался установкой сил. Зная, какая огромная нужда имеется в специалистах-строителях, Жилсоюз не использовал их умело на работе. Специалисты, прорабы, ничего не делали в Жилсоюзе... Вот факт: Сомов, работник с хорошим стажем, пишет в комиссию по чистке, чтоб она положила конец его бездеятельности, помогла получить расчет или перейти на работу в другое учреждение.

— Жилстрой не является до сих пор самостоятельной единицей, работающей на хозрасчете. Оперативный отдел Жилсоюза не может строить производственно-финансового плана, даже не знает, что где строится. Обезличка совершенно стерла значение Жилстроя и превратила его просто в техническую контору без определенных занятий.

Брагин замолчал и выпил воды. В зале напряженная тишина.

— В Жилсоюзе имеется мертвый капитал, бесплановость в аппарате. Головоотяпство, даже вредительство... В тысяча девятьсот тридцатом году было омертвлено капитала: в поселке „Красный Октябрь“ на триста тысяч рублей, а всего по области на миллион рублей. Или такое явление: в районе Пичуга одно из зданий было сделано с подвальным этажом. По распоряжению главного инженера Ласкина подвальный этаж был засыпан, будто бы из-за невозможности устранить грунтовые воды... Разве это не вредительство? А как работает Жилсоюз по мобилизации средств? Это политически важное дело сорвано.

Брагин взял со стола сводки, сделанные бригадами по материалам финотдела Жилсоюза, и зачитал их.

Сводки говорили:

В 1930 году паенакопление вместо 455 тысяч рублей выполнено на 195 тысяч.

Паевых взносов на 1 июня вместо 2 860 000 рублей собрано 1 051 000 рублей или 36,71 процента.

Квартплаты вместо 1 800 000 собрано 1 700 000.

Валовой доход облжилсоюза составлен 87 тысяч рублей расход—170 тысяч, т.-е. Жилсоюз получил убыток в 85 тысяч рублей.

Бригады вместе с ревкомиссией в магазинах и складах обнаружили излишних товаров на 97 тысяч рублей.

После оглашения этой сводки Брагин посмотрел пристально в собрание, скользнул взглядом по Зимину и, словно набрав силы и воздуха, продолжал более звонко, раскатисто:

— Комиссия установила, что в аппарате Жилсоюза не было самокритики. Стенная газета писалась только к праздникам Первое мая и так далее... Из этого надо заключить, что партячейка и местком не руководили, как должно, а молчали.. Чистка Жилсоюза длилась три месяца, за это время, несмотря на призывы и запросы комиссии, хотя бы из больших поселков ни коммунисты, ни комсомольцы не проявили активности помочь работе комиссии...

И Брагин, словно стремясь еще ярче и убедительнее пояснить, чего не видели в аппарате коммунисты и комсомол, привел такой анализ:

— Есть люди,—говорил он,—которые, учитывая острую нужду учреждений в работниках, пробираются в аппарат и занимают места не по силам. Работая на этих местах, они не хотят овладеть техникой дела, не желают научиться работать по-советски. Эти люди приносят много вреда, подписывая бестолковые приказы... Их слепо использовал Жилсоюз в аппарате, слепо им доверял...

После этих слов, окинув зал повелительно-радостными глазами, Брагин закончил:

— Будем работать и создадим такие темпы во всей работе, чтоб генеральная линия нашей партии проводилась на деле, а не на словах!

18.

Поручиков

Зимин приехал в Жилсоюз к концу рабочего дня с какого-то заседания. Как только вошел об в свой кабинет, к нему пришел Поручиков.

— Федор Андреич, я переговорить с вами... Отпуск с первого числа можно будет использовать?

— Конечно, конечно!.. Отдыхайте как следует, и за работу... — ответил Зимин добродушно.

— У меня к вам нескромный вопрос. Кто будет моим начальником в плановом отделе?

— Начальником? Это еще пока не решено.

— А как вы смотрите, если сделать им товарища Примиренцева? Я на него имею большие надежды... Голова у него умная!..

— Рано, рано поручать это дело Примиренцеву!

На столе затрещал телефон. Замин взял трубку, а Поручиков ушел, улыбающийся.

За неделю до отпуска на отдых Поручиков старался показать себя особенно чутким общественником. Сотрудники Жилсоюза откликнулись на призыв пойти на полку гряд в совхозе „Заветы Ильича“. Засучив выше локтей рукава белой сорочки, Поручиков передом работал.

Возвращаясь с полки гряд, он шел устало, а за ним в трех шагах шел Добрынин.

— Василий Иванович, должно быть поусталось? — заметил Добрынин, поравнявшись с Поручиковым.

— Ничего, это нам полезно!

Они шли молча, потом Поручиков, пытаясь показаться более бодрым, заглядывая в лицо Добрынину, сказал:

— А от работы комиссии по чистке плоды-то еще зреют?

— Какие?

— Сектор кадров у вас создали!

— Смешно... И без нее бы создали...

— Ну-у... — засмеялся Поручиков, закуривая папиросу.

— А как ты, Василий Иванович, скажешь, куда препали выводы бригады о работе правления?

Вопрос для Поручикова оказался неожиданным, он ответил немного растерянно:

— Да, странно!..

— Мне думается, они у когонибудь на руках!

— Все может быть... Ну, пока!..

Они разошлись. Поручиков заторопился.

Дома для него была оставлена записка:

„Вася, мы с Митей ушли в Нардом на оперетту „Холопка“.

Аллая“

Когда Поручиков вошел в столовую и прочитал поданную ему записку, он ее скомкал с видом недовольства и бросил на пол.

— Самовар-то поставить, Василий Иванович?.. — спросила его Аннушка, прислуга.

— Не надо... Не хочу...

Он долго умывался, потом менял белье. С запахнутым воротом подошел к буфету, достал бутылку с вином, рюмку,

коробку консервов и ушел к себе в кабинет. Выпив несколько рюмок вина, он немного постоял у раскрытого окна и сел за письменный стол. Из ящика стола вынул листок бумаги и начал писать письмо.

„Дорогой Иван Кузьмич!

Мне представлен отпуск с 1 июля на полтора месяца. Хочется отдохнуть это время в Одессе, да и вспомнить все пережитое... А Аглае и во сне снится море...

Отпуск нынче будет у меня полон удовлетворения. Я прошел чистку! Трудно, очень трудно было готовиться к этой чистке. Во время ее чувствовал себя особенно тревожно... Вот думаю, появится какой-нибудь знакомый по работе на фронте... И сделает сообщение... Но все прошло благополучно.

Чистка по службе — немного неприятно! Сняли с места зав. плановым отделом... Но думаю, без меня не обойдутся!..

Друг милый!.. У меня к тебе большая просьба. Не присмотришь ли для нас с Аглей свободную комнату на месяц? В плате не стесняйся.

Ну, пока!.. Скоро увидимся...

Твой Поручиков“.

19.

Заключение в РКИ

Была полночь. В открытое окно комнаты № 8 летели на свет мотыльки, а Брагин все еще ходил по комнате с тетрадь в руке, диктуя машинистке заключение.

— Надо руководить показом местам, как надо работать... — сказал он фразу.

— Показом? — переспросила машинистка, недоумевая, что это значит, потирая глаза.

— Да, да... Надо руководить показом местам... — повторил он немного раздраженно.

В этот вечер переписка заключения была закончена. Оно было длинно, конкретно, освещало все недостатки Жилсоюза.

Когда это заключение обсуждали в РКИ под председательством Ярового, то Зимин, Сергеев и Равнин были настроены смягчить содержание заключения. Они никак не хотели согласиться с тем, что омертвление строительного капитала — вина Жилсоюза. Предлагали решительным образом выбросить слова: „Есть явления, граничащие с вредительством...“ Они были против выговора правлению. Не согласились и с тем, что у них было слабо классовое чутье в подборе работников в аппарат.

Яровой, с переутомленным лицом от заседаний, спокойно отвел все их поправки в заключение.

Было снежное январское утро тысяча девятьсот тридцать второго года. Зимин только вошел в кабинет правления, как затрещал телефон. Он бросил портфель на стол и взял трубку с аппарата.

— Я... Зимин... В обком, сейчас же? Хорошо!..

В кабинет вошел по каким-то делам Поручиков. Он продолжал работать в Жилсоюзе, но уже по своей специальности в финотделе как главбух. Зимин сунул ему торопливо руку и, схватив портфель со стола, пошел из кабинета, заметив:

— Мне сейчас некогда!..

В обкоме Зимин был всего пять минут.

Смирнов, зав. отделом кадров, сообщил ему сухо:

— Вчера решено перебросить тебя из Жилсоюза работать директором на новостройку, завод машин бытового обслуживания...

— Что такое? — сорвалось у Зимина тихо.

Смирнов молчал, смотрел в какую-то бумагу.

— Я спрашиваю, почему такое решение?

— Ты должен сам знать!.. Чистка твоего аппарата на тебя несколько не повлияла!.. Оказалось, нужно перестроить сначала тебя самого...

— Почему не известили... решили без меня?

— Это не обязательно! Что ты — новичок, не знаешь?

— Изменения не может быть?

— Нет.

И оба, посмотрев пристально друг на друга, — больше ни слова, разошлись.

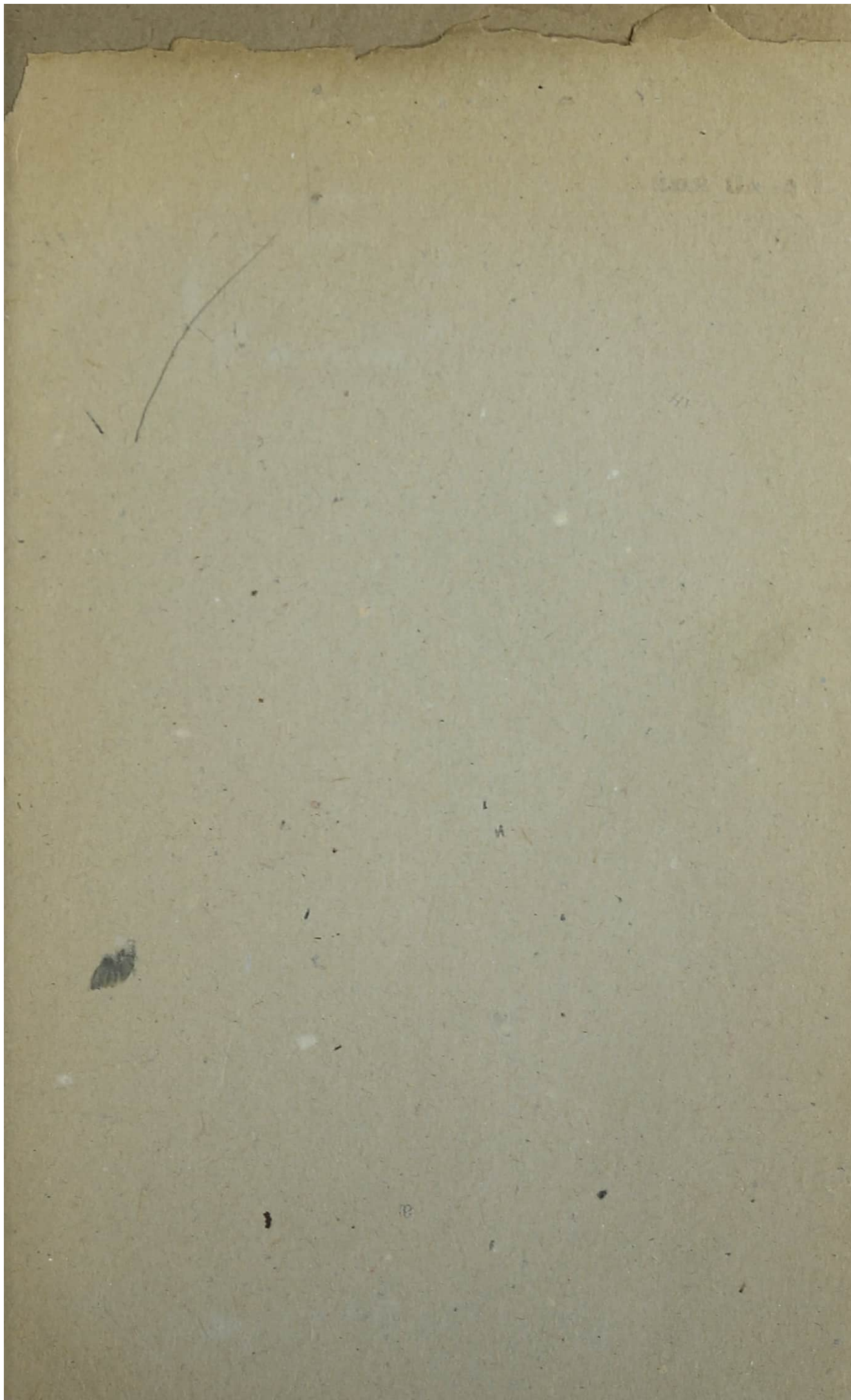

Оглавление

	Стр.
1. Картинка одного дня	3
2. Брагин получает от РКИ поручение	6
3. Подготовка к чистке	7
4. На докладе Зимина	9
5. Разговор дам	14
6. Собрание в плановом отделе	15
7. О том как Поручиков с Аглей, беседуя о чистке, чуть не поссорились из-за сына Мити	20
8. Большевик Телегин и две бочки цемента	22
9. Письмо Брагину	25
10. Поручение Остроуму. Циркуляры правления, а неуда- чи — дядя виноват	28
11. Опрос Зорского	33
12. У Егорушки заботы о делах комиссии „кот заплакал“	35
13. Пропали выводы Острога	37
14. Единоначалие в стройконторе	39
15. Шубин, Поручиков и Антон, сторож, проходят пер- сональную чистку	41
16. Чистка продолжается	48
17. Решения комиссии по чистке	54
18. Поручиков	56
19. Заключение в РКИ	58

ИВАНОВСКАЯ ОБЛАСТНАЯ
НАУЧНАЯ БИБЛИОТЕКА

24
і р. 10 коп.

